

За гранью грехов

Автор:

[Лана Мейер](#)

За гранью грехов

Лана Мейер

Когда город спит, просыпается мафия #3

Пять лет назад я вышла замуж за властного, взрослого и бессердечного манипулятора. Роберт Кинг беспощадно выпил мою душу до дна.

Его сын, Дэниел – такой же виртуозный манипулятор, как и его отец.

– У нас с тобой общий враг, Эри. Ты хочешь отомстить тому, кто отнял у тебя все? – его палец, надежно защищенный кожаной черной перчаткой, настойчиво и чувственно скользит по моим губам. – Как только срок судебного запрета спадет, отец не даст тебе покоя. Не успеешь оглянуться – и ты по горло в его дьявольских силках.

У меня нет выбора.

Я вынуждена стать главным оружием в безумных играх двух финансовых магнатов.

И теперь Дэниел волен со мной делать все, что он захочет.

Но умелый кукловод еще не знает, что если он толкнет меня за грань грехов – я непременно заберу его с собой.

Книга содержит нецензурную брань

Лана Мейер

За гранью грехов

Пролог

Эрида

– На меня смотри, идиотка! Опять в облаках летаешь. Я тебя быстренько с небес сброшу, кукла. Так быстро, что не соберешь потом, – каждое слово, брошенное из его уст заменяет беспощадный удар хлыста.

Древняя мудрость гласит: мы сами выбираем свою судьбу.

Не уверена, что осознанно выбрала ту реальность, где я являюсь женой ублюдка, для которого нет ничего важнее власти и денег. На торте из его грязных миллиардов, я – спелая вишня, обещающая Роберту Кингу раскрыться калейдоскопом вкусов на его похотливом языке.

И когда мой чертов супруг грубо толкает меня к одной из стен своего роскошного особняка, возведенном на костях, крови, обманах, вымогательствах, рэкете и прочих «прелестях» преступного мира, я отвечаю ему глухим вожделенным стоном. Он еще не знает, что больше всего на свете я мечтаю застрять костью от кисло-сладкой ягоды в его горле. Встать поперек трахеи, перекрыть дыхание. Разлиться вишневой кровью в его поганом рту.

И в этот момент я даю себе клятву. Вы свидетели. Однажды я стану причиной, по которой Роберт Кинг задохнется.

Но начну с того, что я не выбирала путь жертвы абыюзера.

Роберт создал его для меня три года назад, когда я была совсем ребенком. Разве в пятнадцать лет мы способны принимать взвешенные решения? Это время ошибок, юношеского максимализма и безоглядного следования зову сердца.

Преисполненная мечтами и надеждами о карьере модели, я пересекла границу Гонконга с крошечным чемоданом. Взяла только самое необходимое: портфолио, пару купальников, простую одежду для предстоящих кастингов. Впереди была полная неизвестность: я впервые оказалась в другой стране. Несколько лет назад, вся Азия охотилась на юных девушек с европейскими чертами лица, и к чему лишняя скромность – кукольным и коммерческим типом внешности. Я попала в первую волну нескольких десятков девчонок, которым были предложены выгодные модельные контракты с полной оплатой проживания в Гонконге. Уже спустя один месяц пребывания в Китае, я заработала столько денег, сколько моя мама получает в Варшаве за целый год, и явно продала душу дьяволу, получив взамен огромное желание покорить мир и большой подиум, заработать гору денег и больше никогда не возвращаться в свою крохотную деревушку.

Я думала, что вернусь из Китая в Польшу восходящей звездой, но даже не предполагала, что мое восхождение на модельный олимп будет настолько разрушительным.

Прошло всего четыре года. Мне уже не пятнадцать.

Кажется, за это время я накопила в себе несколько разных жизней, запертых в теле юной девятнадцатилетней девушки.

- Когда ты уже повзрослеешь, Эрида?

Черт, только не показывай ему свою слабость.

Зажмурившись и стиснув челюсти, я группируюсь всем телом, ощущая, как мощные мужские ладони накрывают мои плечи и до ломоты в костях сводят лопатки. Роберт заставляет меня прогнуться в пояснице. Я чувствую, как его соколиный взор буравит шрамы и красные полосы, высеченные им же на моих позвонках. Их не скрывает платье с открытой спиной, которое он специально попросил надеть меня на важное светское мероприятие.

Роберт хотел, чтобы его недалекие друзья видели, как он обращается со мной. Что я – его вещь, красивая и юная игрушка, кайфующая от жестоких игр. Его личная самка, которую он метит каждую ночь, доминируя в постели с той же силой, с какой он делает это в конкурентных спаррингах, с врагами, партнерами и прочей элитной «гнилью» этого мира.

До конца не уверена, что сама не получаю кайф от наших игр. Ведь когда-то я согласилась на все это. Он не тащил меня под венец силой, и это несмотря на то, что на момент свадьбы мне едва исполнилось восемнадцать, а ему – сорок семь.

Его пальцы, словно когти звероподобного чудовища, жадно скользят по спине, и наконец, с треском разрывают ткань платья по шву. Красный шелк падает к нашим ногам, ассоциируясь с каплями крови.

Желудок скручивает в тугий узел. В груди становится так тесно, кислород едва поступает в голову, отчего вся комната начинает иллюзорно кружиться перед замутнённым взором.

– Недалекая сука, Ри, вот ты кто. Сколько раз я тебе говорил: лучше молчи при моих друзьях. Деревенщина. И где я тебя откопал только?! Я даже не помню название этой дыры, откуда ты родом, – каждое слово мужа преисполнено ядом. – Ты опозорила меня перед деловыми партнерами и коллегами. Выставила на посмешище. И кого, напомнить? Меня, Роберта Кинга! Я чертов король этого города, – бьет кулаком себя в грудь, стиснув зубы. – Здесь каждый дюйм принадлежит мне, – рычащим рокотом раздувает трагедию из моего невинно брошенного в деловой беседе замечания, Роберт. – Уверен, ты сделала это специально, грязная куколка. Твоя аппетитная задница буквально умоляет о том, чтобы ее хорошенько отшлепали, – вздрагиваю, ощущая, как его крупные пальцы ласкают ямочки над поясницей.

Медленно. Одержимо. Почти ласково. В любой момент, он может впечатать свою ладонь в мои бедра с такой силой, что я потом неделю сидеть не смогу. Большой извращенец. На всю голову двинутый.

– Встань нормально, – рявкает Роберт, как только я перестаю выгибаться достаточно призывно и вызывающе. Запястья грубо вжимает в стену, разворачивая все мое тело в форме гибкого «крана». – Вот так. Красивая и грязная, моя куколка.

«Кто эта идеальная куколка, Стефф? Познакомишь нас?» – это были те самые слова, с которых все началось, когда мне было пятнадцать. С тех пор, я то «идиотка», то «грязная сука», то «кукла».

– Ты ошибаешься. Я не хотела ничего подобного, – пытаюсь оправдаться, в ответ получая смачный такой шлепок по ягодице, от звука которого у меня в ушах звенит.

Боли я уже почти не чувствую.

Рано или поздно, к ней привыкаешь.

Жар концентрируется в месте удара, по венам разливается приятное и знакомое тепло. Как бы там ни было, игры с Робертом рождают во мне огромный спектр эмоций. От эйфории и наслаждения до отвращения, неприязни, ощущения полной ничтожности.

Я знаю, что это несвойственно здоровой психике, но муж вряд ли пропонирует мне сеансы психолога.

– Ты поддержала этого ублюдка, МакКейна в споре. Встряла в диалог. Твое дело – молчать, как рыба и не вмешиваться в мои разговоры. С тем же успехом ты могла бы заявить, что у меня маленький член при всем высшем свете Нью-Йорка, – вновь пыхтит Роберт, припоминая мне причину нашего конфликта. Предлогом для очередной порции шлепков и агрессии стал тот факт, что я всего-навсего выразила надежду на то, что одна из дочерних компаний Дугласа МакКейна еще выплывет из затяжного кризиса. В то время как Роберт настаивал на том, что другу стоит продать бизнес, который приносит куда больше проблем и головной боли, чем денег.

Я не умею вести эти чертовы светские разговоры и не собираюсь учиться столь глупому искусству. Не пристало «деревенщине» знать правила этикета. Вертела я их на одном месте – да, именно на члене Роберта.

– Я ничего такого не говорила! Очнись, Роб. О твоём достоинстве речи не было, но ты и рад найти причину, чтобы снова унижить меня, – резко поворачиваюсь лицом к Роберту, вжимаясь лопатками в стену. Стоя перед ним в одном лишь телесном белье, я не чувствую себя уязвимой или раненой. Несмотря на то, что

этот несгибаемый банкир, способный подмять под себя половину Нью-Йорка, смотрит на меня с особой агрессией, граничащей с похотью и желанием, я прекрасно осознаю свою власть над этим мужчиной.

У моего мужа много зависимостей. И я иду далеко не последним пунктом в списке, затерявшись где-то между властью, деньгами, победами, азартом и легкими наркотиками. Или уникальными.

– Спорить будешь? Забыла откуда ты? Из какой дыры вылезла? – снова и снова напоминает о моем происхождении он. – А откуда родители твои и кто они? Падкие на бабло, недалекие кретины. Они же буквально продали тебя в рабство, пусть и в хорошие руки, – по телу проходит дрожь, стоит лишь мне вспомнить о маме и папе, которым было совершенно плевать на то, что их юная дочь общается со столь взрослым мужчиной.

После пары встреч с Робертом, папа перестал препятствовать его ухаживаниям в мою сторону. Я знаю очень мало отцов, которые бы одобрили брак своей дочери с мужчиной, что почти на тридцать лет старше ее. А мой одобрил. Все так сложно... конечно, я и сама хотела выйти за Роберта. Я была не в себе. И сейчас, порой, не в себе. Иногда, кажется, что я безумно люблю его. При этом я мечтаю его раздавить, уничтожить, стереть с лица земли.

– Еще одна выходка, Рида... и я все заберу у тебя, слышишь? Все подарки, все счета, все показы и контракты. Все, до единого. Ты мне еще миллионы должна будешь. Думаешь, красивая жизнь цены не имеет? Напоминаю, чтобы ценила каждый цент, каждую секунду времени, что я вложил в тебя и планирую вкладывать дальше. Продажная, дешевая шлюха... – Роберт стискивает мой подбородок пальцами, заставляя заглянуть в совершенно дикие глаза. – Сможешь жить без очередного ожерелья на Рождество? – серьезным тоном интересуется он. – Или в метро такой роскошью щеголять не перед кем?

– Я бы с удовольствием запихала тебе его в задницу, – мне хочется выкрикнуть эту фразу, но в реальности выходит лишь слабый и пылкий шепот, напоминающий шелест осенних листьев.

Не успеваю опомниться, как резко пролетаю вдоль стены и падаю на пол, едва не ударившись затылком о стену. От силы удара, я теряю равновесие и вновь оказываюсь у ног Роберта. Даже не заметила, как инстинктивно вцепилась в

ножку декоративного столика, увенчанного хрупкой вазой с живыми цветами. Лязгающий звук разбитого стекла ударяет беспощадным хлыстом по оголенным нервам.

Роберт все время дарит мне белые лилии и меня уже давно тошнит от их запаха.

– Неуклюжая куколка, – отвешивает комплимент Роберт. Именно таким тоном у нас в Польше подзывают бездомных бродяг и бросают им объединенные куриные крылышки из ближайшего фастфуда. – Это диахроническое стекло стоит бешенных денег. Ты нихера не ценишь, Эрида. Как я устал от тебя, ты даже не представляешь, – цедит мой ублюдочный муж, сквозь сжатые зубы. Наступает все ближе, заставляя меня сжиматься в беззащитный комок и шарить по полу пальцами, в надежде найти ближайший инструмент для самозащиты.

В тот самый миг, когда я поднимаю голову и заглядываю в его прозрачные глаза, пугающие своей пустотой, бездушностью и эффектом мутных стекляшек, мои пальцы находят довольно приличных размеров осколок и решительно сжимают его.

– Ты не сможешь этого сделать, Эрида. Ты любишь меня, крошка. Забыла? Ты жить без меня не сможешь, – переходит на елейный тон Роберт. По мере того, как его мощная фигура приближается ко мне, а табачный аромат роскошного парфюма обволакивает с головы до ног, я содрогаюсь сильнее.

Я ненавижу тебя.

Я не знаю, как жить без тебя.

Я мечтаю убить тебя.

Сбежать, скрыться, исчезнуть для тебя.

Я чувствую так много всего к своему мужу.

Но истина в простых словах.

– Я хотела бы никогда не знать тебя... ублюдок, – произношу вслух, на что Роберт отвечает лишь ехидной усмешкой. Наклоняется с высоты своего роста, вновь грубо хватая за скулы. Шершавый палец мужчины скользит по моим губам, и, судя по искрам похоти, фейерверком взрывающимся в глазах Роберта, он отчетливо представляет, как будет елозить своим членом по ним ровно через пару минут.

– Рот открыла, – приказывает муж, и я прекрасно знаю, какими будут его дальнейшими действия.

Он не попросит о «глубоком горле», не сегодня. Он сделает хуже.

– Нет. Ты не посмеешь... Роб, не надо, – а у самой сердце в груди заходится от одних лишь воспоминаний об эйфории, которую испытала от таблеток в последний раз.

– Давай, крошка. Тебе станет так хорошо, моя девочка, – Роберт кладет на мой язык крошечную пилюлю, что начинает мгновенно шипеть и разливаться кисловатым вкусом во рту.

Сознание резко мутнеет. Если еще минуту назад я могла бы сопротивляться и хоть как-то противостоять нездоровому натиску мужа, то теперь мышцы наливаются таким теплом и жаром, что мне даже запястья от пола оторвать трудно.

Развратно раздвинув ноги, я призывно выгибаюсь на полу, выгибаясь как кошка, налакавшаяся валерьянки.

Сквозь охваченное чувством эйфории сознание, ощущаю его ладони, разминающие мои ягодицы, бедра. За позвякиванием ремня и щелчком молнии на брюках, следует незатейливая прелюдия – одарив меня еще одним сочным шлепком по заднице, Роберт смазывает головку члена моим соком у входа и мощным толчком проникает внутрь. Резко, дико, озверело, без предварительных игр и подготовки. Сукин ублюдок.

– Всегда заводишься от оскорблений, кукла, – с гневным рычанием комментирует он.

Закидывая лодыжки себе на плечи, мужчина начинает грубо вбиваться в мое лишенное сил, тело. Роберт не способен на нежный и чувственный секс, и он часто делает это до крови – ему нравится снова и снова проигрывать и повторять ту ночь, когда он лишил меня девственности. К слову, я почти ничего из нее не помню.

Я знаю, что психотропная таблетка еще не достигла пика своего действия. Внутреннее и внешнее встречаются в кровавой схватке, но предполагаю, что химия окажется сильнее моих душевных терзаний. Где-то глубоко внутри себя, я отчаянно завываю от обиды и унижения. Где-то в параллельной вселенной, я нахожу в себе силы, чтобы вонзить злополучный осколок под его кожу. Но в реальности я царапаю, лишь сильнее царапаю Роберта, в ответ на его ритмичные и болезненные фрикции. Шепчу гадости и проклиная его, прекрасно осознавая, что его лишь больше заводит, что его «кукла» – на самом деле далеко не кукла, а настоящая бестия, оставляющая на его теле шрамы похлеще, чем те, что весь высший свет Нью-Йорка лицезрел сегодня на моих позвонках.

Толкаясь сильнее, до одури и горлового рычания, он припечатывает мои «саблезубые» руки к полу, и выворачивает меня наизнанку, выбивая из меня крики и стоны, которые слышит весь обслуживающий персонал.

«Только бы Дэниел не услышал. Только не он», – вдруг простреливает ослабевающее сознание мимолетная мысль.

Почему мне важно то, что подумает обо мне Кинг-ублюдок-младший?

Он такой же бездушный сукин сын, как и его отец. Только моложе на двадцать лет. Яблоко от яблони...

Вдруг, стоны и хрипы Роберта обрывает странное шуршание. Я бы даже сказала шипение, издаваемое в купе с подозрительным скользящим звуком, похожим на резкое стекание литров воды по закрытым трубам. Лениво повернув голову в сторону, я замечаю извивающуюся черную змею, стремительно направляющуюся прямо ко мне.

Дэниел. Он здесь. Он смотрит на то, что происходит сейчас. Смотрит на то, как его отец трахает меня на полу, как последнюю шлюху. Черт, меньше всего я хочу, чтобы Кинг видел меня в таком виде.

Заорав первобытным матом, Роберт резко покидает меня. Все словно в тумане, вместо лиц и предметов я вижу лишь причудливые тени, а губы расплываются в одурманивающей улыбке. Сгруппировавшись, сворачиваясь в позу эмбриона, продолжаю улыбаться и наблюдать за калейдоскопом огоньков, взрывающихся вальсом под веками. Остатками здравого смысла, ощущаю, как по бедрам течет что-то горячее и неприятное. И это не сперма мужа, а моя кровь. Роберт снова не рассчитал своих долбанных сил. Кидаю мимолетный взгляд в ближайшее зеркало – Роберт наградил меня новыми синяками, и ближайшие пару недель мне новые сеты не светят. Я должна была сказать... остановить его, попросить, но не заметила, что он творит со мной, находясь под чертовым кайфом. Или второй вариант: к боли просто привыкаешь.

– Больной ублюдок! Какого черта, Ди? – даже сквозь замутнённое зрение, я могу лицезреть, как Роберт беспомощно валяется на полу. Если бы я могла смеяться, я бы непременно сделала это, так как зрелище довольно нелепое: опадающий стояк Роберта в сочетании с его паникой и ужасающей на вид раной выглядит очень странно. И непривычно. Неужели Кинг-младший бросил своему властному папочке вызов?

– Теперь домой, девочка, – сквозь призму вакуума, улавливаю приятный бархатный баритон. Девочка... Дэниел Кинг называет свою ядовитую змеюку «девочкой». И как так получилось, что я связалась с этой семейкой? Здесь все ненормальные, это заложено на генетическом уровне. Что ж, подобное притягивает подобное. У меня тоже есть странности, о которых Роберту даже знать не стоит.

– Она что, ядовитая?! Мне бл*дь так херово в жизни не было. Ты за это заплатишь, Ди. Я тебя нищим оставлю, без роду и племени, – вновь сыплет своими классическими угрозами Роберт, пытаюсь поставить на место вставшего на мою защиту, сына. – Ты какого черта это сделал? Жалко мою шлюху стало? А? Или сам захотел трахнуть? Я не жадный, сынок.

От этих слов меня мгновенно выворачивает наизнанку. Неприятный спазм сдавливает горло и содержимое желудка самым жутким из способов выходит наружу.

– Я все еще твой сын, – как ни в чем не бывало, продолжает Дэниел хладнокровным тоном.

– Я избавлюсь от тебя! Вычеркну из семьи! Ты труп и нищий без моей защиты! – Кинг-младший пренебрежительно усмехается, словно они с отцом поменялись ролями и теперь уже он вынужден смотреть на то, как тот, безвольно барахтается в песочнице.

– Я спасаю тебя, отец. Стоит поблагодарить, а ты надрываешь голосовые связки напрасно. Тебе завтра еще совет директоров вести. Я еще ничего не сделал, чтобы вызвать твой гнев. Пока – нет, – кратко, но так емко, бросает Дэниел. В его спокойном и размеренном тоне угрозы больше, чем в его вездесущей змее. – Кстати, она действительно ядовитая. Поэтому это мой подарок на Рождество, – оставляя небольшую ампулу на журнальном столике, завершает свой хладнокровный расстрел Дэниел. Роберт в ответ лишь покрывает свое продолжение во плоти нецензурным матом, и содрогается в конвульсиях, вызванных действием смертельного яда.

Я плохо понимаю, что происходит со мной во все эти моменты. Словно душа выходит из тела и тянется к слою нирваны, пока часть меня остается здесь и является сторонним наблюдателем. Через сорок минут меня накроет сильнее, и я вряд ли очнусь раньше, чем через сутки.

Вдруг, пронзительный взгляд Дэниела находит меня. Падает сталкерским красным прицелом на сердце. Светлые и прозрачные глаза, унаследованные от отца, прожигают огнем насквозь, сканируют, обнажают душу до пепла.

Чувствую себя препарированной бабочкой под этим выжигающим взором, замечая, как кожа груди покрылась мурашками.

Хватаю свое платье с пола, резко прикрываю им грудь, будто являюсь святой невинностью. Уверена, что избитая, окровавленная, потасканная, затраханная, я выгляжу жалко в его глазах. Хочется провалиться сквозь пол, пробить фундамент собой, лишь бы не представлять в таком виде перед Кингом-младшим.

– Ненавижу тебя. Всех вас ненавижу. Не пялься на меня, сукин сын. Или хочешь воспользоваться щедростью папочки? – тихо язвлю я, замечая, как дрожит ладонь, вжимающая клочок платья в область груди и сердца.

Дэниел, молча, преодолевает расстояние, между нами. Пружинистая и уверена походка хищника удваивает разрушительную дозу мурашек на моем теле. Глядя на меня так, словно я бездушный предмет, протягивает мне крупную ладонь:

– Пойдем со мной, – не понимаю, с чего бы ему помогать мне. Дэниел Кинг всегда вел себя так, будто меня не существует. Еще бы – ни один двадцати пятилетний мужчина не будет рад девятнадцатилетней мачехе.

– Размечтался, – дерзко выплевываю я. – Я больше ничего общего с вами иметь не хочу. Я подаю на развод! Ты слышишь, Роб? – из последних сил кричу я, ощущая, как тело начинает бить лихорадочная и болезненная дрожь, служащая тревожным звоночком.

– Закрой пасть, шлюха. Ты никогда его не получишь, – рявкает Роб, что из последних сил успел дорваться до журнального столика, и вколоть себе «подарок» сына.

– Это не обсуждается, – Дэниел убирает руку, но задерживает на мне свой пронзительный взгляд, за зазеркальем которого градусов на сто ниже нуля.

– Возьми ее на руки, Люк. В мою вторую спальню, – отдает приказ телохранителю Кинг. Чьи-то сильные руки подхватывают меня – обнаженную, запачканную, униженную, подавленную. Поверьте, когда вы находитесь в таком состоянии, меньше всего на свете вы хотите, чтобы вас лапали какие-то непонятные и чужеродные клешни.

Я чувствую себя такой грязной, что меня снова начинает тошнить.

– Форму сожги после. Не выношу грязь, – доносится до меня голос Дэниела, но уже сквозь зыбкий туман бессознательного забвения.

Глава 1

Наши дни, 2022 год (5 лет спустя)

Дэниел

FINANCIAL POST: ВОЗРАЖДЕНИЕ ИЗ ПЕПЛА. ПОТЕРЯВ ВСЕ, КИНГ-МЛАДШИЙ СОЗДАЕТ СОБСТВЕННУЮ ИМПЕРИЮ, ОЦЕНИВАЮЩУЮСЯ В 10 МЛРД. ДОЛЛАРОВ

Одним из самых громких скандалов за последние три года был конфликт в семье Роберта Кинга – основателя сети банков «King's treasure» и его сына – Дэниела. На сегодняшний день оборот вышеупомянутой компании оценивается в 30 миллиардов долларов. После череды непрозрачных споров и столкновений внутри одной из самых богатых семей Нью-Йорка, в прессу просочилась подтвержденная информация, о том, что приемник Роберта Кинга был лишен всего наследства и исключен из акционерного общества «King's treasure». Кинг-старший оставил своего единственного наследника ни с чем, после чего Дэниел на время покинул Соединенные Штаты.

Как нам уже известно, ненадолго: после событий 2020 года, задевших все мировое сообщество, хедж-фонд Кинга-младшего, основанный им еще до конфликта с отцом, занял первую строчку в списке самых быстрорастущих компаний в мире. На сегодняшний день, «D.A. Managment» управляет активами на десять миллиардов долларов.

История отвергнутого влиятельным отцом, Кинга, еще раз подтверждает то, что можно потерять наследство, но нельзя потерять хватку, образование и наследие. Время покажет – как повлияет появление «D.A. Managment» на большой арене и отразится ли на сорокалетнем существовании «King's treasure». Напомним, что активные споры о том, как именно Дэниелу удалось сколотить целое состояние всего лишь за год существования компании – продолжаются.

Отметим, что Кинг-младший вкладывает огромную часть своих личных доходов в решение проблем мировой экологии, медицину и охрану редких животных, в то время как его отец, Роберт, не спешит задействовать свои активы в служении на благо обществу. Роберт Кинг был замечен за очередной дракой. Ее последствия вынудили миллиардера скрыться в своем особняке на целый месяц. Никаких комментариев, объясняющих свои вспышки агрессии, Роберт не дает и настоятельно советует каждому «заниматься своим делом».

Неплохая статья.

Не считая того, что в ней предоставлена неактуальная информация – на сегодняшний день, «D.A. Managment» управляет активами на двенадцать миллиардов долларов. И это только начало.

Мои губы невольно раздвигаются в легкой усмешке. Отец был очень наивен, когда оставил меня ни с чем и бросил в лицо искрометную фразу:

«Нужно было сразу отказаться от тебя, отродье сумасшедшей суки. Я просто надеялся, на то, что ты не такой же больной, как твоя мамаша, Дэнни. До последнего я верил, что раз ты похож на меня, словно долбанный клон, то унаследовал только мои гены. Я ошибся. Надеюсь, что, потеряв все, ты, наконец, научишься ценить инвестиции, что я вбухал в тебя. Я дал тебе все, сын. Ты не оценил, возомнив, что сможешь затмить меня. Как бы ни так. Ты – самая провальная инвестиция в моей жизни».

В этом весь Роберт Кинг.

Для него весь мир соткан из зеленых бумажек, сложенных в аккуратный карточный домик. И я собираюсь подпалить это бутафорное сооружение, в тот самый момент, когда Роберт будет стоять на его вершине, ощущая себя королем своего воображаемого псевдо-Олимпа.

Лениво поправляя новые «Vacheron Constantin» с обсидиановым циферблатом, я вырубаю планшет и откладываю к стопке проверенных и подписанных документов за сегодня. Семь часов вечера, но впереди еще несколько нерешенных задач, с которыми я намерен справиться до полуночи.

Откидываясь на спинку широкого кресла, небрежно киваю Люку, что уже две минуты топчется у входной двери моего рабочего кабинета. Мы переехали в новый офис две недели назад – небоскреб на Уолл-Стрит стал отличным домом для моей надежной и многомиллиардной компании, которую я отчетливо держал в своей голове ровно с того момента, как отец лишил меня фамильных денег и повесил долг в несколько миллионов долларов.

С уверенностью могу заявить, что выбрался из такой задницы, какая Роберту Кингу не снилась, но я обязательно заверну его в черную дыру похлеще. И с удовольствием понаблюдаю за тем, как он будет вымаливать прощения у моей покойной матери и с выражением лица, полным раскаяния, искупать каждый из списка смертных грехов в колонии строго режима.

Довольно трудно отправить в тюрьму одного из глав нерушимых пяти семей, к которым я теперь не имею никакого отношения. Бывших членов мафии не бывает – гласит омерта, но вместо того, чтобы играть по чужим правилам, я напишу свои – так гласит мой закон.

Ты сделал ставки не на того скакуна, отец. На ипподроме жизни побеждают не жеребцы с именами Алчность и Власть, а Гибкость и Скорость. Новый раунд только начинается. И наша игра будет очень азартной и занимательной. Было бы проще убить тебя, разрешить наш старый конфликт твоими же методами. Но это противоречит моей природе. Сделать все быстро – все равно что наступить себе на горло, залезть в петлю. Яд моих пресмыкающихся друзей зачастую действует медленно. А я слишком люблю напряженные игровые партии, чтобы стереть тебя с лица земли прежде, чем получить колоссальное удовольствие. Разумеется, от лицезрения того, как ты валяешься на полу и содрогаешься в конвульсиях, хаотично перебирая беспомощными лапками.

– Не с пустыми руками, надеюсь? – обращаюсь к своему поверенному, одним взглядом подзывая подойти ближе.

Моя степень доверия к Люку весьма высока, но даже столь надежный тыл я ежемесячно проверяю на информационную преданность. Люк – мой телохранитель со старшей школы, не задумываясь, ушел со мной из семьи, когда отец лишил меня статуса Подручного и прочих вещей, как наследство, статус, и иллюзию принадлежности к так называемой «элите».

– Разумеется, сэр. Мы нашли ее. Это было не так легко. Мисс Мур сильно изменилась за последние годы, но нет никаких сомнений в том, что это она, – кратко вводит в курс дела Люк, прежде чем открыть лэптоп и включить видео, растянутое на всю ширину экрана. Он нервно проводит ладонью по сверкающей коже своей головы, на которой с рождения нет ни единого волоска.

– А у него получилось сломать ее.

Я, конечно, предполагал, что вряд ли увижу Эриду в образе прекрасной нимфы, над чьей головой возвышается сияющий нимб чистоты и невинности, но к такому зрелищу готов не был. Сфокусировав зрение на хрупкой девушке, хаотичного передвигающейся по пространству злачного клуба в бедном районе Нью-Йорка, я внимательно изучаю ее фигуру и едва узнаваемые черты лица.

Желудок мгновенно скручивает от отвращения – терпеть не могу грязь, в любом ее проявлении. Посетители столь захолустного заведения, судя по их сальным взглядам и действиям, явно мечтают поставить несколько проб на Эре, что осталась в моей памяти совершенно другой девушкой.

Она никогда не была чистой, что является важнейшим критерием для меня при выборе партнерши.

Милой. Правильной. После встречи с моим отцом – тем более. Он быстро лишил ее всех положительных качеств, подсветив самые испорченные и порочные. И все же, она была особенной. Эра принадлежала к тому редкому типу женщин-амазонок, от которых невозможно отвести взгляд.

А теперь... повзрослевшая Эрида Мур, ловко лавирует между шаткими столиками, время от времени поправляя подол костюма официантки. Посетители заведения то и дело мацают ее плоскую задницу, попутно заказывая литры пива и ведра с куриными крылышками.

Грудную клетку обжигает яростным пламенем, стоит лишь мне пронаблюдать за тем, как Эрида наклоняется к одному беззубому пьянице. Девушка уточняет его заказ, но в ответ он лишь похабно смеется, засовывая в ее глубокое, но не впечатляющие декольте пару долларов. Эрида ехидно улыбается в ответ, но от денег не отказывается. Просто разворачивается и на автомате следует к соседнему столику, словно долбаный робот.

Марионетка, лишённая прежней жизни. Живой труп. Опустошённая кукла.

Неудивительно. Мой отец сделал из этой девочки ходячего мертвеца. А я... в какой-то мере я приложил к этому мракобесию руку. И совсем не жалею об этом.

Готов поспорить, она пойдет на все, чтобы вернуть себе красоту и молодость. С «цветком бессмертия» это возможно. А мне это и нужно... чтобы ради меня она пошла на все.

Роберт теряет хватку, стоит лишь этой девчонке махнуть ресницами. Красивых женщин может быть сотни, но манящих, очаровывающих, притягательных и настоящих – можно пересчитать по пальцам одной руки.

Эра жила так, как она хотела. Смело, дерзко, ярко, на надрыве. В полной свободе выражения своих эмоций и желаний. Другая девушка бы не ломанулась в пятнадцать лет на другой конец света, покорять мир и никогда бы не связалась с моим отцом. Неудивительно, что этот старый идиот по-настоящему влюбился в нее и потерял от Эриды голову, когда она была несовершеннолетней. Хорошо, что ему хватило ума жениться на ней, прежде чем изнасиловать.

Иначе разрушить его карьеру и жизнь было бы куда проще.

Я помню ее огромные голубые глаза, в которых отражалась взрывающаяся Вселенная. Темные волосы, струящиеся по плечам. Эсмеральда.

«Взоры толпы были прикованы к ней, все рты разинуты. Она танцевала под рокотанье бубна, который её округлые девственные руки высоко вносили над головой», – вспоминается подходящая под описание девушки цитата Гюго из «Собора Парижской Богоматери». В этом была вся Эра – легко порхающая по жизни девушка, способная одним своим взглядом соблазнить почти любого мужчину, будь он Квазимодо, Священник или благородный гвардеец.

Ее образ ослеплял искрометной молнией, падающей с небес прямо в сердце.

Но от прежней Эриды ничего не осталось.

Пагубные привычки и наркотики лишили ее жизни, забрали красоту. Впалые скулы прибавили Ри возраста. Худоба – сделала похожей на обладательницу анорексии и одарила потухшим взглядом. Даже сквозь видеозапись она транслирует раздражение, душевную ярость, полнейший хаос.

Она была Галатеей, к которой жаждали прикоснуться тысячи, но не каждый мог себе это позволить.

Об ее лице, способном продать любую люксовую косметику, мечтали мировые бренды. О точеной фигуре – журналы, подиумы и рекламодатели. Мужчины. Многие журналы называли ее «новой Адрианой Лимой», но Эрида с легкой ухмылкой отвечала, что она не хочет быть кем-то.

Она уже – Эрида Мур, уникальная и неповторимая. Так она отвечала в многочисленных интервью.

Сейчас же, любой уважающий себя мужчина, даже не взглянул бы на мисс Мур. Убежал бы, как от чумной и прокаженной.

Впрочем, бар переполнен пьяными доходягами, которые не упускают возможности полапать Эру. Дерзко продемонстрировав всем средний палец, она стремительно скрывается на кухне.

Может быть, я ошибаюсь. И та самая Эра еще жива.

Наркотики делают из человека не лучшую версию себя. Заражают грязью и разрушительным ядом. Самое большое счастье для наркомана – сдохнуть от передоза быстрее, чем превратиться в существующую гниль.

Не буду скрывать, я всегда испытывал влечение к Эре. Настолько сильное, что это стало мощным снарядом в моей зарождающейся войне с отцом. Увы, сейчас, я бы побрезговал даже прикоснуться к ней.

Без перчаток.

Она слишком грязная, отравленная, изношенная. Я предпочитаю... невинных и чистых женщин, несмотря на то, что они неопытны, зажаты и не готовы к

экспериментам.

Где-то в глубине подсознания всплывает мягкий голос матери: «Дэниел, все в этом мире соткано из греха и скверны. Люди насквозь прогнили греховными помыслами, погрязли во лжи и прелюбодеянии. Ты очистишь этот мир. Пообещай мне... а теперь помой еще раз руки, сынок. Не прикасайся ко мне до тех пор, пока не избавишься от всех-всех микробов и негатива».

Моя мама не была сумасшедшей. Это не генетическое безумие, не шизофрения. Нечто, чего никогда бы не произошло, если бы не Роб.

Резко вырубая ее голос, испытываю острый дискомфорт, принесенный навязанными убеждениями.

– Доставить ее сюда или в особняк? Все сделаем к вечеру. Мы активно отслеживаем все передвижения Эриды с помощью GPRS, – резко обрывает мое воспоминание об обезумевшей матери Люк, возвращая в реальность.

– Зачем тратить время и ресурсы? Эра сама ко мне придет. Организуйте все в соответствии с четкой инструкцией, – глухим тоном отдав распоряжение, я протягиваю Люку черную коробку арсеналом необходимых вещей, что изрядно потреплют нервы моего падшего ангела.

– Простите, сэр. Не проще ли просто доставить девчонку на дом? – ненавязчиво интересуется Люк, приоткрывая крышку и заглядывая в бокс. Слегка вскидывает бровь, но уже давно не удивляется моим изощренным просьбам. – Вы уверены, что она поведется на это?

– Абсолютно. А если нет... я заставлю, – перед внутренним взором возникает образ обнаженной Ри, покорно опускающейся передо мной ниц.

– Я просто снимаю с себя ответственность, на случай, если к завтрашнему вечеру ее не будет. Мы можем...

– Никакого давления, – уверенно обрываю я непоколебимым тоном. – Эрида сама придет. Сама захочет быть в моей команде.

В этот момент в кабинет с ненавязчивым стуком врывается Роуз – моя незаменимая секретарша с ароматным кофе и подносом в руках. Как всегда вовремя.

– Дэниел, новые кандидаты ждут в холле. Я могу их пригласить? – скользнув взглядом по точеной фигурке, испытываю неприязнь к безвкусному красному платью, в которое Роуз упаковала свою фигурку.

Я всегда замечаю абсолютно все, что не соответствует чистоте и идеалу.

Отросший на два миллиметра маникюр, стрелка на ее колготках. Заусеницы, едва видимые усики над верхней губой. Царапины на костяшках, которые оставляет на ней голодный кот.

Пара крошечных разводов на запястье рукава, остающиеся там после нанесения парфюма.

Неопрятная женщина – это антисексуально, какой бы хорошенькой она ни была.

И не работает мой радар лишь с одной.

Поэтому я предпочитаю трахать тех, на ком уже нет одежды, маникюра, духов... только голое, чистое, невинное тело может удовлетворить мои низменные инстинкты и специфические желания. Поэтому у Роуз, что изо дня в день пытается соблазнить меня и оседлать член, абсолютно нет шансов.

– Да. Сразу всех, – отблагодарив жеманно улыбающуюся мне блондинку легким кивком, я провожаю Люка долгим взглядом, находясь в полной уверенности в том, что его работа не заставит долго ждать результатов. И очень скоро принесет плоды.

В комнату заходят шесть потенциальных участников моей команды. Будущие трейдеры. (Сотрудник брокерской фирмы, выполняющий заказы клиентов на куплю-продажу ценных бумаг на бирже.)

– Выстроиться в ряд, – не утруждая себя формальным приветствием, отдаю приказ. Шестеро соискателей встают по стойке «смирно» – очевидно они

наслышаны о моем характере, и не станут требовать к себе вежливого отношения. А зря.

Следующим шагом, является проход вдоль шеренги новеньких. Каждого изучаю пристальным взглядом, считывая необходимые качества с их черт лица и языка тела.

«Базовое сканирование» дается мне без особого труда, да и «глубинные раскопки» тоже.

- Ты и ты - остаётесь, - киваю на побелевшую парочку - долговязого блондина и брюнетку, облаченную в готически стилизованное платье, с прямой осанкой. Судя по фирменным пиджакам, оба учились в Гарварде.

Что никак не помогло одержать им победу в отборе. Меня зацепило то, что не видно глазу.

Они живые. В них есть энергия. Остальные - ходячие трупы, в которых биологическим образом поддерживается некое подобие жизни.

- Остальные могут идти.

- Ублюдок, - сквозь зубы бросает мне обиженная и изгнанная претендентка, заставляя меня передумать насчет нее.

Медленно подхожу к девушке. Ее карие глаза горят вишневым пламенем, округлые щеки пылают. Полные губы блестят, словно она только что прошлась по ним языком. Я недооценил девочку. Теряю хватку?

- Остаешься в отборе до следующего этапа, - слегка махнув кистью, жестом выгоняю из кабинета всех к чертовой матери.

Выдохнув, возвращаюсь к столу. Минуя его, приближаюсь к панорамному окну, наслаждаясь ощущением того, что возвышаюсь над вечно жужжащим мегаполисом.

Даже пандемия не сломила Нью-Йорк. Он вновь кишит туристами, местными жителями и скакунами, жаждущими одержать победу на ипподроме «Американской мечты». Иллюзия живого города впечатляет, но на самом деле это всего лишь имитация жизни, бумажный дом. Муравейник, постоянно переполненный энергетикой хаотичной жизни. Наступи на его сердце – помрут почти все, разбегутся в разные стороны.

Безумие матери принесло мне немало проблем, но научило видеть дальше, больше, глубже.

Поэтому я так легко понимаю, кто способен быть в моей команде. Немного мужчин наделены стальными яйцами и хладнокровным характером, а тех, что обладают этими качествами – видно сразу.

Тоже самое с женщинами – мои ищейки могут не славиться званием «первых красавиц», но в них обязательно должна быть жизнь.

Та жизнь, которую я видел в Эриде и никогда не замечал в своей матери.

Она сдалась, отдав свою жизнь за несуществующие идеи.

Эра не сдалась даже сейчас, когда от нее прежней совершенно ничего не осталось.

Тем и занимательнее будет наша партия. Играть интересно лишь с теми, кто бьется до последнего. Даже если приходится выгрызть свою победу зубами и каплями крови.

Не так ли?

Эрида

Со всей дури замахиваюсь плотно зажатым кулаком, в кровь разбивая омерзительную рожу Кинга.

Попадаю костяшками прямиком в прямой и выразительный нос бывшего мужа, мечтая оставить его без него. Хотя куда лучшей идеей было бы лишиться его отростка не на лице, а между ног – возможно, тем самым я спасала бы еще десятки невинных девушек от надругательств и насилия. Звук сломанных хрящей вызывает в душе невообразимую радость и детское ликование, и я представляю как алые ручейки разливаются по аристократическим чертам лица Роберта Кинга.

– Будь ты проклят, – с надрывным рыком выдыхаю я, снова и снова заезжая кулаком по боксерской груше, представляя на ее месте физиономию Роба.

– Только попробуй снова испортить мне жизнь, – угрожающе объявляю я, будто от нее все еще что-то осталось. Кроме существования.

Мой вес давно достиг критически низкой отметки. Грань безумия пройдена. Но здесь, в убогом спортивном зале, расположенном в неблагополучной части Квинса, я всегда нахожу в себе силы потренироваться и выместить на этом куске упругой резины все свои страхи, агрессию, и невыраженные эмоции.

Можно подумать, в моей жизни что-то осталось еще неиспорченным, нетронутым личным посланником ада. Роберт Кинг проехался по всему, что когда-то было мной или ассоциировалось со мной.

Он стер мою личность, когда мне было пятнадцать.

Создал на неопределенное время новую – удобную, подходящую ему, красивую куклу. После – разорвал на части. Надоела, приелась, как и все остальное, что набивает оскомину богатым ублюдкам.

На некоторое время я позволила себе забыть о нем, но день икс приближается с молниеносной скоростью. Скоро, судебный запрет на приближение Роберта Кинга ко мне потеряет силу, и мне страшно, что он в очередной раз выкинет что-то, что нарушит мои границы.

Пять полных лет я не имею ничего общего с семьей Кинг и меня это устраивает. Меньше всего на свете я хочу когда-либо вновь соприкоснуться с тем миром, что разрушил меня до основания, залпом выпил до дна.

Я же не собираюсь забивать себе голову этим дерьмом в последние дни в безопасности? Он же не посмеет вернуться, правда? Четыре года назад суд вынес строжайший приговор, запрещающий ему приближаться ко мне менее, чем на километр. Любое нарушение постановления грозит ему колонией строго режима.

Такому, как Роб, не нужен лишний скандал. А Роберт знает, что я смогу его устроить – пусть только попробует меня тронуть или каким-либо образом проникнуть на территорию руин моей жизни снова.

Нужно срочно расслабиться. Выкинуть все тяжелые мысли и навязчивые страхи из головы, пока они не задушили меня к чертовой матери. С моим физическим и моральным состоянием, мне, итак, осталось недолго.

Смахнув пот со лба, дерзко улыбаюсь красавчику, что, с особым усердием выполняет подъем внушительной штанги в паре метров от меня. Засмотревшись в мою сторону, он мгновенно отключается от реальности и едва ли не роняет тяжелый брус на прорезиненный мат.

Я резко прекращаю свои издевательства над воображаемой физиономией Роберта, еще раз убедившись в том, что несмотря на мой убогий и болезненный внешний вид, я до сих пор являюсь той самой ведьмой, способной уложить на лопатки любого мужчину.

У каждого человека есть дар.

Мой, больше похож на проклятье – большинство представителей мужского пола в моем окружении теряют разум. Говорят, моя прапрабабушка действительно была колдуньей, и ее магическая печать магнетизма передалась мне. Я бы посмеялась над этим фактом, если бы до сих пор не ловила на себе постоянные алчные взгляды.

– Тесс, привет. Как ты? – прикинув планы на вечер, я достаю телефон из кармана спортивных штанов и набираю свою старую знакомую из модельной тусовки. – Протащишь меня на вечеринку сегодня? – не дожидаясь ответа, небрежным тоном интересуюсь у нее я.

Тех, кто поддерживает со мной связь и общение можно пересчитать по пальцам опытного фрезеровщика.

Тесс – моя должница, и поэтому, я всегда могу позвонить ей, когда становится слишком паршиво и одиноко. Такие приятельницы создают отчетливую иллюзию того, что я вообще когда-либо существовала.

– Нет, Эри, прости, не могу, – включая пафосную светскую львицу, без приветствия отзывается Тесс. – Это не «тусовка», а прием высокого класса по случаю презентации новой косметической линии. Приглашены все сливки. И не будет наркотиков и прочих развлекательных мероприятий, которые могли бы быть тебе интересны, – снисходительным тоном продолжает Тесс. Противным таким, будто я – ее личная горничная, на позиции «подай-принеси». Раньше она себе подобного не позволяла, но с тех пор, как мое подурневшее «коммерческое и дорогое личико» вычеркнули из всех контрактов, я теперь не считаюсь «высоким уровнем» достойным уважения.

– Я завязала, Тесс. И очень давно, – отчасти, это правда.

Но последствия экспериментов Роберта разрушают меня до сих пор.

– Сомневаюсь. Видела тебя в Старбаксе на пятой, неделю назад. Выглядишь жутко, подруга, – надменно хмыкнув, подмечает девушка. – Эри, посмотри, что с тобой стало. Тебе нужна помощь... – строя из себя мать Терезу, с превосходством поучает приятельница.

– Пошла к черту, – спокойным, но грубым голосом отрезаю я. – И передай Стефф горячий привет от меня, – коротко бросаю я, не желая выслушивать нравоучения Тессы.

«Кто эта идеальная куколка, Стефф? Познакомишь нас?» – это были те самые слова, с которых все началось, когда мне было пятнадцать.

Бросив телефон обратно в карман, достаю сигареты прямо в спортивном зале, щелкаю зажигалкой и глубоко затягиваюсь, с наслаждением впуская густоватый дым в свои легкие.

Кажется, я только что пробила дно. В очередной раз.

И ведь я действительно... завязала. У меня никогда не было зависимости от обычной дури. Она не действует на организм и не вызывает привыкания, после той химии, которую изо дня в день пихал меня Роберт.

Не жалея, не думая о последствиях, он ставил на мне свои грязные опыты, которые и привели к тому, что скоро я без слез на себя взглянуть не смогу.

Знаете, это дерьмовое чувство с утра, когда случайно вскочивший прыщик, может испортить ваше настроение на день или даже на целую неделю? Порой, из-за такого крошечного пустяка, мы уже становимся истеричными мегерами и не хотим выходить на улицу.

А теперь представьте, что ваше лицо, когда-то красовавшееся на обложке журнала с мировым именем, за пару лет превратилось в иссохший персик. Пожалуй, только эта аналогия способна передать то, что я чувствую каждый день.

Окончательно забив на грушу, я направляюсь в женскую раздевалку, попутно бросая на всех встречающихся мне мужчин пристальный взгляд. Оказавшись в надежном укрытии, срываю с себя спортивную майку, насквозь промокшую воображаемой кровавой мезью.

Поднимаю взгляд на свое отражение, опираясь на деревянную столешницу, не замечая, как позади меня то и дело снуют остальные посетительницы клуба: местные официантки, танцовщицы Квинса, и просто девчонки, чья месячная заработная плата едва доходит до минимального прожиточного минимума. И я в их чудесной компании, чей безымянный палец когда-то украшало платиновое кольцо от Cartier. Я слишком поздно осознала, что мир больших денег жесток и грязен. Если бы знала – никогда бы не прикоснулась ни к одному атрибуту показной роскоши.

Лучше бы я никогда не высывалась из своего городка, и не разгуливала бы по мировому подиуму. Не украшала бы обложки журналов, не сотрудничала с культовыми дизайнерами, чем сейчас смотреть на себя в зеркале и совершенно четко осознавать: той, прежней Эриды Мур из маленькой деревушки, которая шаг за шагом шла к своей Американской мечте, уже давно нет.

Она мертва.

Кто я? Лишь ее тень, затерявшаяся во времени и пространстве...

Препарат «sins-20», которым накачивал меня Роберт, не отнимает здоровье. Не действует как общеизвестные наркотики и по сути своей является уникальной дурью, предназначенной для золотой молодежи больших мегаполисов. От него не крошатся зубы, не гноятся внутренности, но очень нехило едет крыша и тает вес и красота в период «завязки».

Он будто иссушает тебя, высасывает досуха. Взывает вернуться к употреблению. Говорят, эти последствия необратимы.

За эти годы я сотни раз бегала по врачам, и десять из десяти уверили меня в том, что я абсолютно здорова. И это при том, что внешне я напоминаю героиню мультика «труп невесты». Такие же огромные и выразительные глаза, выделяющиеся на фоне костлявого и осунувшегося лица. Сквозь бледную кожу просвечивают ниточки голубых вен, создающих эффект прозрачности кожи.

«Sins-20» буквально лишает тебя крови. Как ребенок, зачатый вампиром. Я чувствую себя Беллой Каллен из «Сумерек», которая во время вынашивания крошечной дьяволицы теряла свой вес, красоту, молодость и жизнь. Я, конечно, не беременна от кровопийцы. К тому же, с крайнего приема опасного препарата прошло уже много времени, но нечто внутри меня продолжает высасывать всю энергию, эмоции, и даже мысли. Взамен за все эти мучения и последствия «Sins-20» дарит нереальное ощущение эйфории. Настолько неповторимое, неопишное и внеземное, что слов никогда не хватит, чтобы описать это чувство.

Наркотики заменяют зависимому все.

Так случилось и со мной.

После пяти доз, ты уже не радуешься рассвету, дуновению легкого бриза, красивому пейзажу или любимой музыке... все теряет смысл, кроме греховной сладости, что дает препарат.

Что поделаться, в мире уйма «торчков».

Разница лишь в том, что я не соглашалась, не подписывалась на это и такую жизнь. Роберт пичкал меня этой хренью до тех пор, пока не удовлетворил свое раздутое тщеславие и не испытал на мне лабораторную химию.

Однажды, я поклялась, что отомщу ему за все, что он сделал.

Из-за него я «потеряла» обоих родителей.

Нашего ребенка.

Себя.

Я развалилась на долбаные части, которые никогда не соединить, не склеить, не найти.

Сейчас моя клятва кажется мне смешной и наивной. Кто я сейчас? Официантка в заброшенном баре.

Без ресурсов и связей мне никогда даже не пискнуть в сторону Роберта.

За всеми этими мыслями, я не замечаю, как быстро миную душевую кабину зала, несколько сотен метров прогулки по улице и оказываюсь в примерной импровизированной съемочной площадке.

Нет, я не записалась в актрисы Голливуда. Всего лишь нашла источник дополнительного заработка – с недавних пор я снимаюсь в массовке за гроши. Например, как сегодня – играю девушку, страдающую от анорексии. Лица в кадре не будет, оператор захватит лишь несколько секунд моего неаппетитного тела, которое через год попадет на большие экраны, но никто и никогда не узнает, что его обладательница – бывший «ангел» Victoria's Secret.

– Привет, Эри. Сегодня будет закрытый показ одного из фильмов нашего режиссера. Только для своих и фокус-группы. Придешь? Билеты только бумажные, у меня осталось парочка, – совершенно неожиданно предлагает мне соседка по примерному столику. Медленно обращаю на нее свой взгляд и

внимание, пытаюсь идентифицировать рыжеволосую девчонку, внезапно завязавшую со мной разговор. Кажется, мы много раз пересекались с ней на площадках – как и я, она постоянно бегают по ним и снимается за копейки в массовках. В отличие от меня, она светится изнутри. Очевидно, съемки доставляют ей удовольствие, и она нацелена на то, чтобы однажды один из режиссеров заметил ее и пригласил в большое кино.

– Я Лиана. Мы сталкивались пару раз, – напоминает она, заметив мое замешательство.

– Кстати, это тебе, – Лиана кивает в сторону белых лилий в высокой вазе, разделяющей наши столы всю заваленные косметикой.

– В смысле? Мне? Но я впервые на этой площадке, – впадаю в легкий ступор от недоумения я.

Углубляя вдох, окончательно понимаю, почему меня так знатно тошнит с тех самых пор, как я вошла в эту маленькую комнатку.

Запах белых лилий вызывает рвотный рефлекс.

Цветов, которыми меня вечно заваливал бывший супруг.

Цветов, которые я терпеть не могу. И теперь, когда я осознанно вдыхаю их резкий цветочный аромат, каждый мой выдох заканчивается адским морозом по коже.

– Там и записка есть, я уже все изучила, – вставляет Лиана.

«Скоро день икс, куколка. И, несмотря на то, что пока мы не можем встретиться, мой человек будет ждать тебя сегодня на этом месте. У него есть то, что тебе очень нужно», – прохожусь взглядом по строкам, от одного вида которых теряю всю почву под ногами.

– Нет, – до скрипучего скрежета стиснув зубы, разрываю записку на крошечные кусочки. С остервенением и мысленными проклятиями швыряю шершавые клочки в ближайшую мусорку. Ощувив, что этого мало, собираю в охапку лилии и

едва не задохнувшись от их интенсивного аромата, принимаюсь заталкивать ужасающие цветы в мусорное ведро, не обращая внимания на восклицания пораженной моим концертом Лианы.

- Пошел к черту, ублюдок, - вложенная в конверт аскорбинка также летит на дно бака, как и моя нецензурная лексика, обращенная к бывшему мужу. Не нужно напрягаться, чтобы понять, что олицетворяет крошечная таблетка.

- Да у тебя нервы сдают, дорогая, - со знанием дела, подводит итог моей эмоциональной вспышки Лиана. - Могу посоветовать своего психолога. Он - настоящий специалист, просто бомба, - нагло диктует мне выскочка, ставшая свидетелем моего нервного срыва и немой истерики. - Или ты тренируешь игру в ярость для очередных кинопроб?

- Куда ты меня там звала? - резко перебиваю Лиану я. - Еще есть пригласительные? - не скрывая хамоватого тона, буквально требую с нее то, отчего отказалась несколько минут назад.

Мне нужно срочно чем-то занять себя в этот вечер. Лишь бы не поддаваться искушению: выпорхнуть со студии и на предельных скоростях бежать к дилеру, который обеспечит мне новую дозу того, что способно хоть ненадолго вернуть меня к жизни.

Вновь вернуть ее вкус.

Через два часа, блестяще продемонстрировав свою костлявую фигуру профессиональным камерам, я вновь возвращаюсь к гримерному столику. На этот раз - с пригласительным от Лианы, что приятно покалывает карман старой джинсовой куртки.

Не задумываясь о последствиях, прохожусь пальчиками по рейлу с одеждой для съемок: никто ведь не заметит, если я одолжу пару тряпок?

Это не кража. Мне надоело рванье и тесная форма официантки. Душа жаждет самовыражения, секса и рок-н-ролла. Но не наркотиков. Нет.

По крайней мере, я пытаюсь сама себя убедить в этом.

Тем временем, тремор в кончиках пальцев уже возвещает о начале первой стадии психологической ломки.

Еще через десять минут я оглядываю себя в отражении зеркала и напоминаю самой себе взбунтовавшегося подростка. Колготки в огромную сетку и тяжелые ботинки подчеркивают мою хрупкость, а короткая майка-платье едва прикрывает бедра. Плевать. Наконец-то мое внешнее соответствует внутреннему, а внутри я очень, очень плохая девочка. Макияжу уделю минимум внимания – подвожу глаза черными тенями и карандашом, превращая веки в черные блюдца.

До места вечеринки добираться полчаса. Лиана закончила съемку раньше, и возможно, уже ждет меня там. Закурив очередную сигарету, я от бедра вышагиваю по улице, утопающей в барах, клубах, ароматах дешевого алкоголя и случайного секса. Под ногами то и дело путаются пачки от чипсов и пустые бутылки пива, а я продолжаю идти вперед, словно передвигаюсь по подиуму, ловя на себе многочисленные и похабные взгляды пьяных зевак.

Один взмах тонким запястьем – сразу три желтых такси резко тормозят у обочины, а я пока сама не понимаю, почему словила машину, но уже сажусь внутрь.

– На Уолл-Стрит пожалуйста, – бросаю таксисту я, выдыхая сигаретный дым в полураскрытое окно.

Еще не поздно развернуться, изменить адрес, отправиться на нормальную вечеринку, которая не понесет за собой разрушительных последствий.

Но мой язык отказывается меня слушаться, даже когда я усилием воли заставляю себя обратиться к таксисту, чтобы поменять пункт назначения.

Никак. Это просто невозможно.

Сердце заходится от одной мысли о том, что уже этим вечером я попробую на вкус, свой любимый «грех» и упаду за его грань.

Отключусь. Забудусь. Хотя бы на одну ночь сотру все воспоминания, всю боль и горечь, ощущение ничтожности. Там, внутри себя, я могу снова стать значимой, любимой и счастливой. Достаточно лишь одной таблетки. Я не прошу о большем...

Черт. Бывших наркоманов не бывает.

Руки дрожат все сильнее, по мере приближения к Манхэттену. За пять минут до прибытия я начинаю нервно обрывать расслаивающиеся ногти. Мышцы ломают и выкручивают изнутри, все тело горит в предвкушении невероятных ощущений...

И в то же время густые слезы подступают к горлу и душат колким чокером. Не хочется верить, в то, что я сорвусь. Что сама бегу в капкан Роберта, только поманить стоило. Страшно, что одурею настолько, что начну унижаться и вымаливать у его дилера заветную дозу.

Но обратно дороги нет. Я уже отправилась на встречу с самим Дьяволом. И без печати, оставленной моей кровью, он меня не отпустит.

Ресторан, указанный в записке расположен в одном из новых небоскребов в финансовом центре Нью-Йорка и в этом нет ничего удивительного. Не сомневаюсь, что приглашением в подобное заведение Роб хотел напомнить мне о том, как мы ужинали в подобных заведениях, и даже трахались в уборной ресторана, удостоенного тремя звездами Мишлена. Гордиться нечем, но тот раз был неплох. Роберт не только мозг умел «делать», но иногда и неплохо членом работал.

– Добрый вечер, мэм. Вы заказывали столик? – у входа меня встречает светловолосая нимфа. Вся такая идеальная девушка со здоровой кожей, нормальным весом, аппетитно задницей и гребанным «сиянием изнутри», которое имитирует хороший хайлайтер. Миловидная хостес с глазами стервятницы окидывает меня снисходительным взглядом, задерживая его на моих тяжелых байкерских ботинках и вызывающей одежде.

– Добрый вечер. Да, я приглашена...

– Простите, но я вынуждена отказать вам в посещении нашего заведения, – пренебрежительно поджав губы, перебивает меня идеальная «нимфа с

картинки».

– Правда? С чего вдруг? Моя тощая задница не достойна восседать на ваших гребанных позолоченных стульях? – прищурив веки, ехидно интересуюсь я, окидывая придирчивым взором пафосный декор ресторана.

– Я позову охрану, если вы будете говорить со мной в таком тоне. Вы выглядите не подобающим образом. Сожалению, но отказ в посещении не подлежит оспариванию, – стервятница продолжает глазеть на меня так, словно я дешевая проститутка.

– Могу вам предложить два варианта: переодеться или отказаться от посещения нашего ресторана. Разумеется, если вы уже приглашены или оплатили столик, – хостес явно намекает на то, что у меня не хватит денег ни на один напиток из их долбанного меню.

Мимо нас проходят снобы, одетые в дорогие костюмы, но меня уже не остановить.

– Спорим, – прицелив взгляд и тон, ставлю ее на место. – Через две минуты вы будете извиняться за ваше неподобающее хамство и пропустите меня внутрь?

– Ваше лицо мне знакомо... – она теряется на доли секунд, сраженная моей уверенностью. – В любом случае, я вынуждена передать вас в руки охраны, – выдает уже более тихо, заметив движение за моей спиной.

Два сильных амбала крепко хватают меня за плечи. Мышцы простреливает стягивающая и неприятная боль. Крик гложет в потоке эмоций. Собрав все силы в кулак, реагирую молниеносно, со всей внутренней злостью ударяя локтем одного из них.

Меня мгновенно скручивают еще сильнее. Буквально сгибают пополам, как надломленную пластиковую куклу. В тот момент, когда мои ожидания падают до нуля, нашу неловкую бойню прерывает приглушенный, но звонкий и непоколебимый голос.

Настолько уверенный и придавливающий все живое к земле, что напоминает звук сабли, наотмашь разрубающей воздух.

– Руки убрать. Она со мной, – всего несколько слов, от которых невозможно сбежать. Скрыться. Капкан захлопнут, и его острые зубья только что забралась мне под кожу.

И всего один голос, что невозможно забыть. Голос, что приколачивает мои пятки к полу, а легкие резко вдавливают в грудную клетку.

Голос, который напоминает шепот змея-искусителя и одновременно сочетает в себе невообразимый микс из угрозы, легкого соблазна, тотальной уверенности и даже... снисходительной ласки.

Голос, от которого пальчики ног и рук немеют, превращаясь в лед, а низ живота наливается густым жаром.

Голос мужчины, от которого невозможно отвести взгляд.

Даже если очень сильно захотеть.

Я думаю, в мире найдется мало женщин, не жаждущих впиться в его плотный кошелек, гениальный, хоть и больной мозг, и твердый член.

Он емев до кончиков пальцев, я уставилась на Дэниела Кинга точно также, как в тот день, когда он спас меня от побоев мужа. День, когда... пожалуй, именно он изменил все.

Мне трудно вспомнить что-либо ярко и четко из той ночи. Но есть моменты, которые нельзя вычеркнуть из памяти даже пребывая в наркотическом дурмане.

– Что ты тут делаешь? – собравшись с духом, занимаю оборонительную позицию я. – Я никуда с тобой не пойду, – бросаю вызов его глазам, которым позавидуют все хамелеоны планеты. Сейчас они имеют цвет надвигающегося шторма, полностью отражая и олицетворяя агрессивные вибрации, что исходят от мужчины. Такой эффект создается из-за их «прозрачности», способной зеркалить весь внешний мир.

– Но ты же пришла, – замечает покровительственным голосом, приподнимая бровь.

– Так это чудо-послание от тебя? Решил поиграть в инкогнито? – мне тяжело говорить с Дэниелом на равных, но я отчаянно пытаюсь.

Я не его зверушка. Не его чешуйчатая рептилия, которую он изучит, накормит и обратно загонит в клетку.

– И зачем? – интересуюсь вдогонку.

– Ты задаешь слишком много вопросов, Эра, – коротко отвечает Дэниел. – Многие из них не предназначены для посторонних ушей. Пойдем за мной, – не терпящим возражений тоном, он явно ставит мне ультиматум. В простой и лаконичной фразе скрывается внушительная угроза.

Он снова это делает. Ставит меня перед мишенью в воображаемом тире. Заряжает обойму. Расстрел можно отстрочит, но он неизбежен.

Все как всегда: Кинги диктуют правила. Я ведусь, подчиняюсь, иду на поводу. Сопrotивляясь, брыкаясь, проклиная, но все же продолжаю плясать по их нотам. Будто у меня есть выход? Если вы понимаете, о чем я... таким мужчинам нельзя просто ляпнуть «нет». Я однажды попробовала. Мне было пятнадцать.

Чем закончилось – вы знаете. Нужно было просто сбежать.

– Тебя ждет ужин. И насколько я помню, ты любишь Совиньон Блан. Не заставляй меня ждать, – вновь смерив меня своим фирменным взглядом бессердечного инопланетянина, Дэниел направляется вглубь ресторана, демонстрируя мне свою широкую спину, мощную фигуру и приглушенный костюм глубоко-серого цвета.

Еще один идеальный человек, мать его.

Неиспорченный наркотой, не затравленный психологическим насилием.

Хотя насчет последнего – не уверена.

Знаю, Дэниел какое-то время лечился в психиатрической клинике, когда учился в Лос-Анджелесе. Так писали в желтой прессе. Источник не самый достоверный, но если прибавить к слухам странные наклонности Дэниела – все может быть. Когда человек не от мира сего это всегда чувствуется. Дэниел со своим зоопарком из редких рептилий как раз из таких.

В этом есть свое очарование. И, определенно, секс. Ничто так не возбуждает меня, как мужчины, которые ничего не боятся. И которых, боятся все.

А Дэниел Кинг олицетворяет собой отсутствие страха. Этот факт буквально высечен на радужке его глаз, транслируется через походку и едва заметную полуулыбку а-ля «я – властелин мира».

Следуя за Кингом, я направляюсь к столику, слушая его отравляющий во всех смыслах парфюм. От него исходит настолько одурманивающий шлейф, что трудно оставаться в трезвом сознании. Сквозь ноты табака, кожи и терпкого кофе пробивается сама смерть – финальный мускусный аккорд и сандаловое дерево.

Не надыхаться, перед этой самой смертью, черт бы его побрал.

Взгляды всех женщин в ресторане устремлены на меня и полны зависти. До тех пор, пока мы не скрываемся в VIP зоне ресторана, подальше от чужих глаз. Мужчины также провожают нас любопытными взорами – все эти охотники за баблом, мечтают создавать деньги из воздуха, как это делает он. Невозможно не ощущать, игнорировать то, что их внимание обращено и ко мне, что до сих пор меня удивляет. Красота – главное оружие женщины, а я давно ее потеряла. Очевидно, виной заинтересованных взоров являются гены дорогой прабабушки. Иного объяснения повышенному общественному вниманию я не нахожу.

– Узнаю, все тот же фирменный властный тон Кингов. Меня от него тошнит. Ты совсем не изменился. Уверена, как и твой отец. Когда вы уже поймете, что земля не вертится вокруг вас двоих, – опускаясь на стул, воинственно скрещиваю руки на груди. Бесцеремонно закидываю ноги на стол, любуюсь тем, насколько омерзительно выглядят тяжелые «Гриндерсы» на фоне белоснежной скатерти.

Достаю сигарету, не глядя на Кинга. Не интересуюсь, можно ли здесь курить. Мне плевать. Хочу обратно, в свой иллюзорный бронированный танк и безопасность. Дым от сигарет создаст кокон, в котором я спрячусь, и этот ублюдок ни за что до меня не дотронется.

В тот момент, когда мои губы едва касаются фильтра, Дэниел резко выхватывает сигарету из моих пальцев. Опешив от такой наглости, поднимаю на него возмущенный взгляд и тут же внутренне уменьшаюсь в размерах. Становлюсь пылинкой под его осуждающим взглядом. Не разрывая зрительного контакта, Дэниел тушит сигарету о пепельницу, и я, наконец, замечаю, что его руки облачены в кожаные перчатки.

Ах да. У него тот еще «пунктик» на чистоте. Нужно срочно подарить ему годовой набор санитайзеров.

– А ты очень изменилась, – знаю, он старается не смотреть на мои ключицы, что пугающе болезненно выпирают под выемкой горла. – Об этом и будет наш разговор, Эра.

– Эра? С каких мор мы стали так близки? Дай подумать. С тех пор, когда я умоляла тебя о помощи, но ты и пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне? – мы в общественном месте, а значит хамить ему я намерена до тех пор, пока не отвалит.

– А был обязан? Ты попала в необходимое место в нужное время, Эрида. Все всегда случается так, как должно быть, – его вкрадчивый голос заставляет сердце упасть до пят и подскочить до горла.

Необходимое место, это лечебница. Очень необходимое, мать его.

Поразительные знания в области философии, мистер Кинг.

Взглядом посылаю его на хер, но вслух два заветных слова произнести не решусь.

– Нет. Не всегда. Мы оба это знаем, – парирую я. – Когда маленькую девочку впутывают в игры двух психов, это не значит, что произошло то, что должно

было быть. Это называется, роковая случайность. Долбаный пи*дец. Подсудное дело. Но всем срать, когда эта девочка – никто, против королей Нью-Йорка, – вырисовываю две кавычки в воздухе на последних словах.

– Случайности не случайны, – спокойно отрезает Кинг, всем своим видом олицетворяя каменную статую, способную сдержать за стеной тысячи эмоций. – Звучит тривиально, но скоро ты найдёшь этим истинам подтверждения в своей жизни, – Дэниел кивает, заставляя меня приступить к ужину, когда мне приносят восхитительно-пахнущий стейк из лосося с пикантным соусом и зеленью.

Несмотря на дикий соблазн впиться в изысканный ужин, куда больше, чем жрать, я хочу немедленно уйти отсюда.

Но, как и всегда: стоит члену этой семейки появиться на горизонте моей жизни, как приходится чем-то давиться. То членом, то стейком.

Привет, любимые грабли.

– Итак, выпей, Эра, – поди влиянием взора Дэниела, официант наполняет мой бокал отборным вином, и я стремительно осушаю его до дна. Нервы сдают, напряжение нарастает и с ним даже элитный алкоголь не справится. – И поговорим, о твоих кардинальных изменениях, – медленно склоняя голову на бок, мужчина загоняет меня в тупик.

– Или о твоих? Хотя, их особо и нет, – откровенно лгу я. – Ты все такой же... как и он. Оставь меня в покое, Дэниел, – равнодушно бросаю, устало зевая. – Это все чего я хочу. Скорее уйти отсюда, – а вот это уже неприкрытая правда.

Отпусти меня. Не затягивай снова в свое болото, оставь там место для своих крокодилов.

– Ты пришла, чтобы поскорее уйти? Железная логика. Не перестаешь удивлять.

– Я пришла не к тебе, – резко напоминаю я.

– Ты пришла, чтобы вновь ощутить вкус жизни, – его взгляд простреливает моросью до самых костей. Окутывает ледяным ветром, принесенным волнами океана.

Дэниел смотрит на меня так, словно книга открытая я, давно прочитанная им, выученная наизусть.

Это невыносимо.

Ощущать себя обнаженной, находясь перед ним в толпе незнакомых людей. Но Дэниел Кинг с любого снимает кожу с той же легкостью, что и его любимые змеи, сбрасывающие ее сами.

– Эти слова звучат довольно жестоко из твоих уст, учитывая, что именно ты у меня его отнял. Вся ваша семейка, если быть точнее, – бросаюсь обвинением я, бесцеремонно закидываясь вторым бокалом терпкого винишка.

– Я хочу тебе помочь, – звучит прекрасно, Кинг, если бы я не догадывалась какого рода эта самая «помощь».

– Мне не нужна твоя помощь, – порываясь встать и уйти, дерзко отбрасываю предложение Дэниела.

– Ты не поняла, Эрида. Ты не имеешь права отказаться, – и еще одна фраза, простая до ужаса, бросает меня в ледяной пот.

Сукин сын все нутро мне выворачивает наизнанку, и даже бровью не ведет.

– Да что ты?

– Ты слышала. Ты будешь работать на меня, – ровным, почти дружелюбным тоном отзывается Дэниел. Не сомневаюсь, у него есть четкий план. Шахматная доска, где меня он видит стратегическим «конем».

– Ты думаешь, я буду работать на того, кто причастен к моей зависимости, к проблемам со здоровьем? К тому, что родители меня ненавидят и знать не хотят? Ты действительно так думаешь? И кстати, трейдер из меня никакой. Или

как там называют себя твои пешки?

Дэниел встает со своего места, возвышаясь надо мной, как неизбежная волна.

Он – мощь и цунами, а я – раздробленная ракушка на берегу.

Чувствую себя закопанной в песок на безлюдном пляже и обреченной на удушье в бушующих океанских водах.

За ту секунду, что он преодолевает расстояние между нами и приближается вплотную ко мне, я понимаю: его игра началась.

И он намерен вести ее до тех пор, пока не вытряхнет из подопытной куклы остатки жизни.

А самое страшное – я соглашусь на эту игру, подпишу договор с долбанной «Джумаджи», из которой нельзя будет просто взять и выйти.

Потому что у него есть то, что мне нужно.

А я хорошо помню, что из «Джумаджи» есть лишь два выхода. Дойти до конца?

Или умереть.

Глава 2

Дэниел

Она все еще там. Заперта внутри опустевшей куклы.

Совершенно дикая женщина, способная взбудоражить мою кровь одним лишь взглядом.

Едва ли она когда-либо узнает об этом.

Но ощущать ее запредельную близость, как и в последний раз – сродни боли и мучительному предвкушению.

Все равно, что заглянуть в зеркало и увидеть, наконец, не стальные латы, давно сковавшие мое тело и черты лица, а истинного себя.

Это, то, что профессионально делает Эрида. На неуловимом уровне, сама не осознавая всей своей силы.

Стоит лишь кому-либо попасть в ее поле или колдовское влияние – грациозно щелкая пальчиками с жутким маникюром, она берет и просто вскрывает вены.

Красота – далеко не главное оружие женщины.

Самое смертельное, опасное, разрушительное и в то же время невероятно сильное, мощное, способное вернуть даже самого амебного ленивца и прожигателя к жизни – энергия женщины.

И то, что транслирует Эрида на совершенно тонком, неосязаемом плане, не так сильно изменилось, с нашей последней встречи, когда я отмывал кровь отца, пострадавшего от укуса моей змеи, с ее обнаженного тела.

Несмотря на то, что ее убогий внешний вид оставляет желать лучшего.

Отсутствие постоянного допинга в виде «SINS-20» не лишило ее жизни. Лишь привело ее падшую душу, не смыслящую жизни без адреналина и мелких шалостей, в полный анабиоз.

Я считываю это с ее движений, анализируя язык тела.

В том, как она, будучи никем, пытается спорить и противостоять мне.

В том, с какой смелостью и бесцеремонностью бросает мне вызов. В омерзительно грязных ботинках, что она закинула на дорожный стол фешенебельного ресторана в сердце Манхэттена.

В том, как горделиво вздергивает подбородок, нарываясь на крупные неприятности.

Весь мой офис ходит по струнке.

Наемные работники дышать забывают, когда пересекают порог моего кабинета.

Все члены компании давно вышколены и настроены служить мне, словно верные псы. Конечно, до тех пор, пока я плачу им огромные бабки.

А эта потрепанная жизнью сука смеет совать мне свои разбитые и пыльные ботинки едва ли не в нос. Если бы я не был так сильно брезглив, ее тощей заднице пришлось бы сейчас очень несладко. Мое наказание было бы долгим и мучительным... и навсегда приучило бы ее к чистоте и опрятности.

Но должен признать, Ри неподражаема в своих защитных реакциях. Она выпускает шипы, притворяясь диким, колючим и непривлекательным дикобразом. Все внутри нее отчаянно пытается больше никогда не повторить ошибок прошлого – она потеряла свою привлекательность не только из-за тестируемого на ней препарата, но и потому что все ее нутро жаждет быть не аппетитной, невкусной, омерзительной и неинтересной мужчинам. Едва ли она хочет притянуть к себе второго мучителя и тирана в лице Роберта Кинга или ему подобного.

Но я знаю, какая она на самом деле.

Хитрая, как лиса, способная обдурить стаю волков. Опасная, словно дикая кошка. При этом она бывает чертовски милой, нежной, ласковой, доброй, веселой, легкой, чертовски разной. Невероятной и живой, эмоциональной.

Я всегда читал ее, видел насквозь с первого взгляда.

Почувствовал, что мы сотканы из одного теста, как только мой больной отец с замашками педофила познакомил меня с совсем юной Эридой.

Это было мощно. Мгновенное узнавание. Потрясающе искристая химия.

И бесконечное личное «табу», отождествленное в ее красивых чертах лица. Принадлежащее моему отцу.

Меньше всего в этой жизни я хотел бы заглядываться на его «объедки». Но не все всегда случается так, как мы планируем. Даже мои финансовые прогнозы иногда терпят крах, а в них я профессионал. Иначе бы никогда не построил компанию, разрывающую финансовый рынок.

Анализируя, вспоминая, возвращаясь назад, позволяю себе на мгновение раствориться в глубоких синих глазах девушки.

Она помнит? Как я трахал ее. Брал, не отдавая отчет своим действиям.

Полное погружение в грязь, похоть, знакомство с каждым из своих и ее демонов... сладковато-соленый вкус на языке, полнота ее губ, мой член в ее влажных и горячих тисках.

Это было наваждением, греховным ядом. Я хотел пригубить его, но в итоге едва не убился им.

Трахнуть Эриду – было все равно, что искупаться в грязи. И окунуться в прозрение. Это как достичь дна и познать всех чудовищ, что там обитают. И у меня, блядь, стоит прямо сейчас, стоит лишь вспомнить какой чувственной, принимающей и отдающей, может быть эта женщина. Живой, яркой, плавной, сладкой, мягкой, тесной, колючей... разной. И она все еще там, внутри этой потерянной бунтарки, что еще не знает, что ее ждет.

Мне бы хотелось разбудить ее, встряхнуть, вернуть к жизни.

И мне бы хотелось ее уничтожить.

Игра на повышение будет интересной, но в конечном итоге я делаю ставку на второй исход.

Уничтожить. Не моргнув глазом. Без всяких сомнений.

– Я никогда не сомневаюсь в том, что уже произнес или сделал. Сомнения – неуместны, когда осознаешь, что жизнь – всего лишь игра. И в ней нужна интуиция, чуйка, умение видеть дальше своего носа, – вкрадчиво произношу я, мягко обхватив девушку за подбородок.

Слегка сдавливаю челюсть Ри, замечая, как дрожат ее персикового цвета полные губы. Кожа тонкая, фарфоровая. Если не осознавать, что болезненная, то даже кажется привлекательной.

Кости у Эры настолько маленькие и хрупкие, что кажется, я мог бы сломать ее, сдавив чуть сильнее. Прямо сейчас. Впалая область под нижними веками напоминает лабиринт из голубых вен, по которым блуждает мой личный радар.

Несмотря на все это, меня берет в плен своевольный взор Эриды.

Воинственный, полный силы, взгляд. Одновременно невинный, взволнованный, томный. Она даже не представляет, насколько он сногшибателен, пока в нем еще теплится та самая жизнь и настоящие эмоции.

– У нас с тобой общий враг, Эри. И его зовут Роберт Кинг, – небрежно напоминаю ей. – Ты хочешь отомстить тому, кто отнял у тебя все? – мой палец, надежно защищенный кожаной черной перчаткой, настойчиво скользит по ее губам.

Я могу представить их мягкость, не вынуждая себя марать о нее руки. Могу представить и вспомнить, как кусал их в беспамятстве. Могу... попробовать, и убедиться, что все давно в прошлом. Она была первой и глупой влюбленностью.

Мне просто понравилась куколка, которую купил для себя мой отец.

– Сейчас же убери от меня свои огромные клешни, – ощетинившись, шипит бестия, оскалив точеные зубки.

– Отвечай на вопрос, – отрезаю тоном, сообщаям упрямой детке о том, что игры, блядь, закончились.

– Больше всего на свете, – неистово сжав кулаки, наконец, признается девушка.

В ее взгляде отражается адское пламя, в котором она с радостью спалила бы тело и душу, принадлежащее моему отцу.

Вот это огонь, девочка. Продолжай, мне нравится. Партия интересна, лишь в том случае, когда все стороны бьются до последней капли крови.

– Ты должна быть в моей команде. Между мной и отцом намечается схватка в несколько таймов. Игра на другой стороне поля, не принесет тебе ничего кроме новых потерь, Ри. Тебе не справиться одной. Ты зависима от меня, признай это, – монотонно внушаю отчаявшейся девушке я, заглядываясь на звезды, сверкающие в глубоких глазах-блюдах. – Как только срок судебного запрета спадет, Роб не даст тебе покоя. И на этот раз, он будет действовать аккуратно, чтобы не получить новый. Тем хуже для тебя. Не успеешь оглянуться – и ты по горло в его дьявольских силках.

– Нет. Для него я тоже осталась в прошлом... я уверена, – с плохо скрываемым негодованием и с наивной надеждой противоречит мне девушка.

– Не пытайся себя обмануть. Он одержим тобой, – усмехаюсь я, вновь лаская чувственные губы Эриды, ощущая, как болезненно напрягается член в тесных боксерах.

У каждого из нас есть свое личное табу. Так называемое «порочное удовольствие». И если обычно я полностью контролирую свое тело и эмоции, то здесь это не работает. С «порочным удовольствием» никакие правила в принципе не работают. Это могут быть наркотики, сигареты, алкоголь, сахар, извращенный секс... но иногда, «порочное удовольствие» – это чья-то жизнь.

Или лицо.

– Какого черта ты лапаешь меня в этих дурацких перчатках? – перепрыгивает с тему на тему разбесившаяся кобра. – Гребанный чистоплюй! Тебе и сосут через

презик? Кайфово тебе так, Дэнни? – с шумом втянув воздух сквозь зубы, хватаю ее за подбородок грубее и рывком поднимаю со стула. Для едва живой дряни у нее весьма острый язычок.

– Такая пошлая девочка, – горловое рычание обжигает горло, когда выдыхаю в ее раскрытые от ужаса губы. Она издает нежно-томное «ах, больно, кретин», от которого кровь начинает адски печь вены.

– Вечно ты все переводишь в горизонтальную плоскость, Ри, – надменным тоном вскрываю ее броню я. – Но если тебе интересно, то да – кайфую я только от чистых и невинных ртов, не подпорченных вялыми членами, – без сомнений, пятьдесят – это не возраст, но своего отца я мог бы обозвать словосочетанием похуже, чем «жадный старикашка». Хотя ему никогда не дают свои годы.

– С такими и презерватив не нужен. Но мы здесь не для того, чтобы говорить на такие личные темы. Не так ли? – возвращая хладнокровие и полный контроль над ее дрожащим телом себе, заглядываю в синий омут возмущенных глаз.

– Ты хочешь использовать меня, – выявляет очевидное Эра. – Хочешь, чтобы я была долбанным теннисным мячиком между вами двумя. Я не позволю. Отказываюсь. Ты меня не заставишь, Кинг. Мне нечего терять. Хоть пристрели на месте!

Ах, детка, если бы это было правдой. Мы оба знаем, что тебе есть что терять. Более того, ты хочешь вернуть то, что уже утратила.

– Разве? – выдыхаю, усмехнувшись и выгнув бровь.

– Да. У меня уже давно ничего нет. Ничего не осталось. Не за душой, ни в душе. Разве не заметно? – продолжает буянить сумасшедшая женщина, которая все равно прогнется под мои условия.

Зачем ты тратишь время?

– У тебя есть свобода, – стоит лишь мне косвенно напомнить об одном случае, как взгляд Эриды меняется. В нем отражается такая боль, страх, отчаяние и ужас, которые не каждая сможет вынести.

Разумеется. Тюрьма не место для таких привлекательных, пусть и тощих, девочек. Нет ничего страшнее, чем потерять свободу, для такой, как Эри. Готов поспорить, она выбрала бы смерть, а не оковы.

- Ты не посмеешь манипулировать этим, - осознав, о чем речь, выплевывает девушка. - У вас, Кингов, совсем нет совести. Я ни в чем не виновата. Ваша семейка - корень всего зла, врата ада. А ты смеешь, угрожать мне...

- Чем этим? - тут же делаю вид, что не понимаю, о чем речь, не раскрывая карт прямо.

- Ты... ты... - окончательно запутавшись в том, знаю ли я ее грязную тайну, восклицает Эрида. - Невыносимый ублюдок. Ненавижу тебя! Вас обоих. Оставь меня в покое... - в ее голосе нет мольбы, лишь невероятная усталость от исполнения главной роли в ее жизни - роли куклы.

- Есть такая фраза: люди всегда говорят другим то, что испытывают по отношению к себе сами. Так за что ты себя ненавидишь, Эра? - вновь фокусирую взгляд на ее глазах, заглядывая в лицо каждому ее дьяволу. - Ты сама довела себя до такого состояния. Ты была той, ради которой не грех себе шею свернуть. А стала... - брезгливо морщусь, вспоминая образы того, как похабно ее лопали в баре. - Я видел записи с твоей работы, Ри. Так это предел твоих мечтаний? Подставлять задницу пьяницам и пустоголовым отщепенцам? Ты способна на большее, и мы оба это знаем.

- Не притворяйся, что твоим щедрым предложением хочешь помочь мне.

- Я и не притворяюсь, - раскрываю ладони, выставляя их вперед. - Я никогда и никому не помогаю, когда нет личных выгод. Ты меня тоже немного знаешь. От отца я унаследовал расчет во всем - пожалуй, за это стоит быть благодарным старому ублюдку. Но мои методы в игре на большом поле совершенно иные.

Скрестив руки на груди, Эрида взмахивает волной из пышных волос, пока не убитых отсутствием «SINS-20». Особенность его воздействия и прекращения поступления его в кровь состоит в том, что он разрушает очень медленно, растягивая пытку и период истления организма на долгие годы.

– Откуда в тебе это Дэниел? Желание со всеми играть? Измываться над людьми, словно психопат из «Пилы»? Открой мне страшную тайну. Покажи мне свое слабое место, – в следующее мгновение, в груди все леденеет от ее действий.

Стоит лишь Ри коснуться пуговицы на моей рубашке, и повести своими грязными пальчиками вниз, по напряженному прессу. То, с какой бесцеремонностью, смелостью и уверенностью она трогает меня – поразительно и омерзительно одновременно. Кровь закипает, когда желудок скручивает от ощущения соприкосновения с оскверненным и падшим ангелом.

– Всегда хотела знать, где же оно, – соблазняющим, магическим тоном продолжает девушка, поменяв направление своей ладони. Смотрит на меня влажным, глубоким взглядом, наделенным силой погружать в забвение. Расправив пальцы, Эра разглаживает мою рубашку, пока не добирается до ее воротника. По ее смелому движению я сразу понимаю, что считанные секунды разделяют Ри от соприкосновения с обнаженным участком моей кожи.

Еще чуть-чуть и ее острые коготки заскользят на выемке под горлом. По чувствительным точкам, не закрытым тканью.

– Нет! – рявкаю я, до боли сжимая ее запястье. Резко встряхиваю, отстраняю от себя, выпотрошив всю смелость из наглой девчонки. – Запрещено.

– Почему это? Я помню день, когда мне все было разрешено, Дэниел. Ты сбросил маску ублюдка, и неплохо так, меня трахнул. Мне понравилось. А теперь... как там? Я слишком грязная, да? – по изнанке груди царапает, легкие сжимаются от ее близости.

Ощущаю, какой каменной становится зона плеч и бицепсов, когда она прижимается ко мне своим хрупким телом, через надежные слои одежды. Словив все мои ощущения, балансирующие на грани похоти и отвращения, Эра аккуратно поднимается на цыпочки и тянется к моему уху:

– Тогда ты прав, Дэниел. Меня трахал Роберт. Каждый гребанный день, он меня трахал, – с огромной ненавистью и обидой в голосе цедит Ри, отчего меня мгновенно бросает в отвергаемый самим собой жар. – Я очень грязная.

Толкаю охреневшую суку обратно на стул. Не сильно. Не с целью причинить боль или физически ранить, а унизить и показать ее место.

– Итак, от слов к делу, – просверлив прицельным взглядом наглую и лисью мордочку Эры, чеканю я. Бунтарка вновь на автомате тянется за сигаретой, и мне приходится ударить ее по пальцам, вернув в наш разговор. – Я предоставлю тебе выбор.

– Как пафосно звучит, – играя бровями, парирует девушка. – Ладно, продолжай строить из себя Господа Бога. Это забавно.

В следующую секунду я достаю из кармана брюк то, что в корне меняет черты ее лица. Веселое настроение и бодрый запал, желание перечить мне.

Посмотрим, как ты теперь запоешь, девочка.

Выставляя вперед раскрытую ладонь, демонстрирую Эре два продукта, представляющие собой ампулу с «цветком бессмертия» и черную таблетку. Так хорошо знакомую ей таблетку.

– Знаешь, что это?

Ответ читаю в округлившись глазах Эры. Я буквально в реальном времени, замечаю, как сохнут ее губы, от желания стиснуть зубы и сожрать мою руку – лишь бы не упустить шанс побаловать свои десна препаратом, что ненадолго вернет ее к жизни.

Эрида тут же меняет позу на стуле, что из расслабленно-бунтующей, становится более пресмыкающейся, раболепной. Теперь она готова пойти на компромисс. Жажда маленькой эйфории для мозга затмевает ее желание продемонстрировать мне все оттенки своей гордыни и тщеславия.

А я? Я испытываю огромный кайф, когда понимаю, что в моих руках – вся ее жизнь.

– Не имею понятия, – с одержимым придыханием лепечет девушка, горящими глазами разглядывая заветную кроху на линиях моей ладони.

– Это – «SINS». Так хорошо знакомый тебе препарат, сломавший твою жизнь. Твою карьеру. Из-за него ты потеряла красоту, окружение, статус, ощущение нужности. Смыслы. Все. Впала в зависимость, превратила крошечный предмет в эпицентр твоего существования, – в ответ на мою презентацию, брови Эриды все больше складываются в перевернутый домик.

– Другая ампула – то, что исцелит тебя от этой зависимости и довольно быстро. И это не шутка, Эра. Это уникальная разработка, исцеляющая любые болезни, в том числе связанные с биохимией мозга. Ты как никто знаешь, что то, что доступно мне и пяти семьям, никогда не будет доступно простым смертным. Мне стоило огромных усилий раздобыть для тебя этот подарок. Так что ты выберешь, если я предложу тебе один из них прямо сейчас? – наслаждаясь ответом, который уже читается в ее взгляде и несет мне ее покорность и готовность на все, задаю роковой вопрос я.

– Притворяешься Морфиусом? – озлобленно фыркает Ри. – Ты на него не похож, даже не пытайся, – уловив мою параллель с «Матрицей», бросает девушка.

– По-твоему я шучу? Играю?

– Да.

На долгие мгновение между нами замирает зыбкая, неуловимая, но при этом чертовски плотная тишина, наполненная шаровыми молниями напряжения, что искрят и пылают, между нами, взрываясь, словно микро-вселенные.

– Примешь синюю таблетку – и сказке конец. Ты проснешься в своей постели и поверишь, что это был сон. Примешь красную таблетку – войдешь в страну чудес. Я покажу тебе, глубока ли кроличья нора, – немного растягивая слова, дословно повторяю цитату из любимого фильма.

– Да ты просто издеваешься! – вспыливает Ри, залпом опустошая бокал с красным вином, оставляющий на ее пересушенных губах алые следы. – Поверь мне, я уже давно пробила дно этой норы, – горько усмехается, глядя только на крошечную дозу счастья, призывно перекатывающуюся в моей ладони.

– Я могу прекратить, – глухо рассмеявшись, сжимаю препараты в твердый кулак. – И аннулировать предложение.

– Нет, Кинг! Так не пойдет, – Эрида хватает меня за запястье и накрывает напряженные мышцы своими тонкими пальцами. – Пожалуйста... Я хочу... Боже, ты же знаешь. Ты все знаешь... ты сводишь меня с ума, – нечленораздельно умоляет она, отчаянно сжимая в своих руках мой кулак.

Такая зависимая.

В глазах – киловатты искрящейся боли, способные осветить сияющей тьмой целый город. Мурашки, украшающие ее бледные плечи, буквально кричат о том, что прямо сейчас, девушка ведет одну из самых кровавых и жестоких битв со своим внутренним «я».

И это еще раз доказывает тот факт, что учитель приходит, когда ученик готов.

А исцеление настигает лишь того, кто готов быть здоровым.

– На что ты готова пойти, чтобы получить это, Ри? На все? – подтруниваю над застрявшей в капкане девчонкой, я. Ядовито ухмыляюсь, замечая, как она еще сильнее жметса ко мне, на глазах превращаясь в ласковую и послушную кошку. Снова провожу пальцем по губам девушки, взяв в плен впалые скулы.

– Нет, не на все, Кинг, – еще пытается сохранить самообладание Эра. – Но очень на многое, – сдавшись, цедит она, содрогаясь всем телом. Можно подумать, ее сводит предоргазменной судорогой, но на самом деле все ее конвульсии связаны с предвкушением сладостной дозы.

Мы снова молчим, бесконечно долго разглядывая отражения друг друга в потемневших и полных демонов, радужках.

– Оближи мой палец, – внезапно прошу я, решив проверить ее границы.

– Отсоси, Кинг, – не сдает позиций Эрида, смея, даже в таком безвыходном положении, проявлять свой дрянной и своевольный характер.

Что ж, у меня всегда были огромные вопросы к ее воспитанию.

Прищуриив веки, прицельно разглядываю черты ее лица, транслируя определенные мысли и вибрации, заставляющие ее хныкать и сдаваться моей воле.

Она медленно раскрывает губы. Когда ее внутренние демоны пускаются в пляс, она слегка закидывает голову и очень плавно проводит кончиком языка вверх по большому пальцу, по-прежнему защищенного перчаткой. Еще секунда – и он полностью скрывается в ее рту.

Эрида закрывает глаза. Я вижу, как дрожат ее ресницы. Я знаю, о чем она думает. Она знает, что я пытаюсь вспомнить сейчас. Перед внутренним взором мелькает яркая картинка того, как мой кулак собирает ее волосы на затылке, а напряженный член погружается в теплый, чувственный, но чертовски грязный рабочий рот.

На считанные доли секунды меня накрывает, но я блокирую греховно-сладкие и отвратительные воспоминания.

– Хочу тебя кожа к коже, Дэн, – ее томные слова в сочетании с моим пальцем во рту делают меня каменным. Проворные пальчики девушки добираются до манжета рубашки и я вовремя успеваю остановить ее, когда понимаю, что она намеревается немедленно сорвать с меня перчатку.

– Нет. Я не разрешал тебе этого делать, – спокойным тоном пресекаю ее попытку я, надавливая на язык внутри горячей полости ее рта.

– Тогда перестань издеваться и дай мне гребаную таблетку, – шипит она, с характерным для минета шлепком выпуская палец из моего рта.

– Сначала подпиши все бумаги. Ты как никак, принята на работу, – резко отстраняясь от Эры, возвращаюсь на свое место и демонстративно протираю руки антисептическими салфетками, уделяя особое внимание большому пальцу.

Ри выжигает на мне кровавые раны озлобленным взглядом, до нутра пробирая меня энергией своей ненависти.

Если бы она была колдуньей, то уже давно бы испепелила меня своим взором.

Закончив с обработкой рук, я кидаю на ее сторону стола заранее заготовленные бумаги. Не задавая лишних вопросов, Эрида хватается за ручку. Подписывает все страницы, не читая и не разглядывая все нюансы, пока я перечисляю ей достоинства нашего «сотрудничества»: оплата квартиры в центре города, медицинской страховки и прочих «сладостей», которые девушке в костюме официантке давно не снятся. Тактично опускаю факты, что по мере сотрудничества проведу ее через семь кругов ада. Кому это нужно? Не ей явно. Ри всю трясет. Уверен, она меня не слышит, мечтая проглотить крошечную таблетку, которая унесет ее за грань этих миров. В личную «матрицу», где она вновь ощутит яркость всех красок этой жизни.

– Все готово. Что дальше? – швыряет мне бумаги в ответ, окидывая выжидающим и пытливым взглядом. Не разрывая зрительного контакта, выкладываю перед ней таблетку, которую она тут же закидывает в рот и запивает огромным количеством воды.

Пренебрежительно вскидываю брови, испытав приступ тошноты.

– Ты получишь первое задание по почте. Мой водитель довезет тебя до нового места жительства, – равнодушно бросаю я, вставая из-за стола. Поправляю галстук, оставляю денежные купюры с щедрыми чаевыми. Напоследок, бросаю Эре, уже откинувшейся на спинку своего стула и отлетевшей в нирвану, карту из той самой колоды, которые нарисовала моя мать перед своей смертью.

До тех пор, как вступить в ту дерьмовую секту, она была артхаусной, но популярной художницей. С моим отцом она познакомилась в маленькой выставочной галерее, которую он в дальнейшем выкупил и расширил до нереальных размеров.

«Мы все лишь гости в этом мире, Дэниел. В грязном и хаотичном мире, брошенные и оставленные, потерянные на самом дне сознания Великого Создателя. И есть только один способ очиститься от грязи – познать все ее оттенки, прожить каждой фиброй души. Но это так страшно. Проще умереть, мой мальчик. Проще умереть...» – в глубинах сознания вспыхивают безумные слова мамы.

Я вырос на подобных изречениях, и многочисленная работа с психиатром избавила меня от многих последствий влияния подобного бреда.

Благодаря работе над собой, я знаю каждого своего демона по имени, и держу их под четким контролем.

Бросая последний взгляд на Эру, крепко и любовно обнимающую спинку своего стула, я нахожусь в полной уверенности того, что даже она не способна спровоцировать рецидив.

Глава 3

Эрида

Я чувствую себя так, будто во мне сосредоточен весь мир.

Я – целая Вселенная, запертая в крошечную песчинку, мерцающая ярче, чем миллиарды звезд на небе.

Я храню в себе уникальность северного сияния, и шум водопада, пробивающийся сквозь плотную листву диких джунглей.

Я – молчание многовекового камня, и я – легкое пение всех птиц на земле.

Я – легкий бриз и шквалистый ветер, и его последствия, тоже я.

Я – извилистая река, и неизбежное цунами. Землетрясение и извержение вулкана. Я – вся природа, что неумолимо живет миллионы столетий, заключенных в одно мгновение. Я – настоящая. И я – и есть этот момент.

Тщательно рассматриваю руки, испытывая дикую благодарность и любовь к каждому пальчику, к каждой клеточке, из которой я состою. Губы расплываются в ошалевшей улыбке, когда в голову вдруг приходит банальная, но такая яркая мысль: я возникла из крошечного эмбриона, который был создан из случайно неслучайной встречи двух органических клеток, жадно ищущих друг друга в

лабиринтах женского тела.

Заливаясь истерическим смехом, я чувствую, что хочу обнять весь этот мир, качаясь на волнах той самой эйфории, которой мне так не хватало.

Это чувство заменяет жизнь, заменяет все.

Стирает критическое мышление, целует абсолютным Божественным или греховным счастьем. Забирает всю боль, чувства вины и обиды...

В моей ладони начинает мелькать телефон, взрываясь калейдоскопом ярких и размытых красок. Каждый цвет с оттенком кислотности и неона. Чудом включаю на смартфоне фронтальную камеру и с невероятной любовью к себе, разглядываю точеные черты лица.

Я давно не видела себя настолько красивой.

Вторая волна невероятного наслаждения накрывает еще сильнее. Становится так хорошо, что больше уже ничего не нужно. Даже что-то разглядывать не имеет смысла.

Я не имею смысла.

Только руки, что обнимают меня и крепко прижимают к себе, куда-то несут.

Приятная теплота, исходящая от чужих ладоней, напоминает мне тот момент жизни, который можно вспомнить лишь находясь под гипнозом или под кайфом.

Ты приходишь в этот грязный мир, падая с райских небес и плачешь. Всегда так горько плачешь, до тех пор, пока материнские руки не обвивают тебя. Прижимают к груди, окутывают безусловной любовью и защищают. Вот и сейчас я ощущаю их на своих плечах, проходясь по незнакомым ладоням языком.

Они несут меня. Куда – мне плевать, хоть в другое измерение.

Время и пространство превращаются в бесконечную карусель, с которой я не могу и не хочу слезать.

Оказываясь в незнакомой комнате, я запрыгиваю на кровать. Отталкиваясь вверх от матраца, взлетаю прямо в космос.

Нет, даже выше, еще выше! Выхожу за пределы земли и солнечной системы, превращаюсь в ракету, помчавшуюся наравне с астероидами и кометами.

Чувство полета разрывает сердце. Кажется, меня вот-вот убьет тем самым счастьем, что я испытываю прямо сейчас. Человек не может вынести так много прекрасных чувств одновременно...

А если и чувствует, то быстро сгорает.

«SINS» – это разрушительная сущность, что живет за счет тебя и пожирает изнутри, выпрыскивая при этом мощную дозу эйфории и лидокоина[1 - Лидокаи?н – лекарственное средство, местный анестетик и сердечный депрессант, используемый в качестве антиаритмического средства.].

Я просыпаюсь и резко выпрямляюсь на просторной постели, заваленной мягкими подушками. Далеко не сразу удается выбраться из-под одеяла и осознать реальность.

Протираю глаза сжатыми кулаками, ощущая, как все тело слегка лихорадит. Кости ломит, в голове – не мозг, а переваренная каша из оборванных нейросетей. Зрение возвращается ко мне не сразу, но специальное углубленное дыхание помогает крошечными шагами возвращаться к реальной картинке жизни.

Я больше не в космосе. Вокруг нет звезд и комет, среди которых мне было так хорошо и легко, свободно.

Явь встречает меня роскошными апартаментами с огромными панорамными окнами, за чистой гладью которых, скрываются туманные верхушки небоскребов Манхэттена. Порывисто откинув одеяло в сторону, встаю с незнакомой мне и чужой постели. Поймав взглядом свою сумочку на прикроватной тумбочке, приближаюсь к ней и дрожащими руками ищу сигареты. Ни одной нет, даже в потайном кармашке не завалилось.

Заботливый ублюдок позаботился о моих легких.

Вплотную подхожу к окну и люблюсь открывающимся видом на зеленый «квадратик» Центрального Парка, обрамленного бездушными высотками, пытаюсь по частям восстановить события последних часов. Скорее всего, дней, потому что в наркотическом дурмане от таблеток я обычно блуждаю сутки, а потом постепенно прихожу в себя, валяясь в постели. Отходняк – самое жуткое в кайфе. Он всегда ощущается так, словно тебя выпинают из рая и отправляют вариться в адском котле, где всем заправляет краснощекий и рогатый черт, постоянно ошпаривающий тебя колким веником в наказание за все земные грехи.

Грешить я давно не боюсь. Самый главный черт в моей жизни пришел по мою душу именно в тот самый момент, когда я была еще максимально невинна, юна, и максимально безгрешна. И где, скажите мне, в мире искать справедливость, после такого?

Нервно кусая губы, я разворачиваюсь спиной к стеклу, и, облокотившись на него, медленно выдыхаю. Стоит лишь прикрыть веки, как перед внутренним взором предстает до невозможности пугающее и столь же привлекательное лицо Дэниела Кинга.

Какого черта я встретила с ним? Подписала какие-то бумаги? Вцепилась в предложенную им дозу, как дикая? Лишь поманить искусителю стоило.

Рассчитывала ведь, что после стольких лет воздержания – устою, справлюсь, выдержу, нос утру... но ни черта. Сейчас все по новой начнется, ломка не заставит себя долго ждать и приведет меня к его ногам.

Как долго я буду его марионеткой теперь, когда у него в руках есть пульт от моего управления?

– Привет, подруга. Ну и дичь ты вчера творила, – вздрагиваю всем телом, услышав чертовски знакомый голос. Распахнув веки, замечаю разгуливающую в растянутой мужской футболке девчонку, в которой узнаю Лиану – рыжеволосую актрису, с которой изредка сталкиваюсь в примерной для массовки.

Беглым взором изучаю апартаменты, в которых сегодня проснулась: не сравнить с моим сараем в Квинсе, где постель приходилось делить с клопами, а завтрак с крысами. Да, жила я последние четыре года после развода в неприглядной квартирке в полной антисанитарии. Цены на жилье в Нью-Йорке кусаются, а зарплаты официантки едва хватает на то, чтобы отправлять большую часть из них в Польшу.

А не отправлять... я не могу.

В «королевском» жилье Кинга, разумеется, царит совершенно иная атмосфера. На этом начищенном до блеска паркете даже представить таракана трудно, не то, что когда-либо обнаружить. Кухня совмещена с просторной спальней и гостиной. Учитывая, что все пространство апартаментов построено в стиле лофта, я могу догадаться, что лестница у правой стены ведет вверх, в мини-спальню моей сожительницы. Не удивительно, что я не сразу обнаружила свою соседку, что с незатейливой улыбкой и широким зевком включает кофе машину, махнув мне двумя разными по цвету капсулами.

– Ореховый латтэ или ванильный мокко? – переминаясь с ноги на ногу и игриво виляя бедрами, интересуется Лиа.

– Что ты тут делаешь? – быстро преодолевая расстояние, между нами, дерзко отвечаю я, одновременно выхватывая из ее пальцев второй вариант капсулы.

– Я твоя соседка по комнате. И я здесь живу.

Спасибо, капитан очевидность. Без вас бы не догадалась.

– И тоже работаю на Кинга, – дополняет Лиана, как только я демонстративно возвожу глаза к потолку.

Девушка, с которой я ранее сталкивалась на пробах, тоже работает на Дэна и будет жить со мной? Совпадение? Не думаю.

– Так ты следила за мной все это время? – небрежным движением включая кофе машину, в лоб задаю вопрос я. Если она не ответит мне правду, я просверлю на ее милом личике аккуратную дырку. Невербальным излучением своей

ненависти.

– Нет. Делать мне нечего, – скрестив руки на внушительном размере груди, Ли занимает оборонительную позицию и кидает на меня такой надменный взгляд, на какой способна только рыжеволосая девушка. Весь ее внешний вид говорит о том, что она – саблезубая лисица, которая привыкла спасать свою роскошную шкуру неуловимой хитростью и ловкостью лап. – Просто так вышло. Что здесь такого?

Пробую на вкус кофе, как раз в тот момент, когда наши настороженные взгляды встречаются. В этом мире ничего не бывает «просто». Когда-то я тоже подумала, что мне «просто» по счастливой случайности предложили поработать в Гонконге.

– Так, все понятно. Ты – его верная псина. Я умываю руки, – резко выплескивая остатки горячей безвкусной жидкости в раковину, я порываюсь за своей сумкой.

Я больше ни секунды не намерена в этом театре участвовать. Очевидно, что с самого начала все идет по его больному плану, и куда заведёт – даже Дьявол не знает.

– Что ты сказала? – Лиана цепляется цепкими пальчиками за ткань моего платья-футболки, от чего ее ворот болезненно натягивается на горле и заставляет меня резко затормозить. – Успокойся, Ри. Я не желаю тебе зла.

– Мне плевать, я просто не хочу больше здесь находиться, – озлобленно рычу я, дотягиваясь до столешницы и скидывая с нее чертову кофе машину. Техника с жутким лязганьем и грохотом падает на пол, но легче мне не становится. Будь моя воля, я бы разгромила все, что принадлежит этой семейке.

– А где ты хочешь находиться? – резко огибая меня, Ли швыряет на опустевший островок новостную газету. Доли секунды хватает на то, чтобы распознать в аристократичном мужском лице на главной странице своего бывшего мужа.

– Что это? – даже прикоснуться к этому дерьму не хочу, но кричащий заголовок достает меня даже на расстоянии. – «Один из самых богатых холостяков Нью-Йорка заявил, что не намерен жениться. Миллиардер Роберт Кинг покупает картинную галерею, особой популярностью у зрителей пользуются полотна с

изображением его бывшей жены», – мой голос окончательно садится и надламывается, когда я дохожу до последнего слова. В горле мгновенно застревает иллюзорный зыбучий песок, забивающий трахею и дыхательные пути.

Тотальное удушье заставляет балансировать на грани нервного срыва.

Ладони потеют, все тело сжимается. От оков первородного ужаса, что каждый раз берут меня в плен при мыслях о Роберте, невозможно избавиться.

– Уверена, что это будет лучшим решением? Просто встать и уйти? – не дает мне окончательно впасть в удушливое забвение Лиана.

– Откуда ты так много обо мне знаешь? – фыркаю я, имея в виду тот факт, что Лиана точно знала, что мне подсунуть под нос, чтобы остановить меня от побега.

– Все знают. Вы были популярной светской парочкой пять лет назад. Такие как я, не забывают отрывков из «сливочной хроники». Скоро Роберт узнает, что ты вернулась в Нью-Йорк, – Лиана даже в курсе того, что четыре года назад я инсценировала свой отъезд из страны, чтобы хоть как-то обезопасить себя от контактов с Робертом. – Я здесь, чтобы напомнить тебе об этом. Ты не можешь просто сбежать и уйти, потому что побег ото льва приведет тебя в логово к тигру. Понимаешь, о чем я? – девушка символично проводит большим пальцем по горлу, ярко демонстрируя, что меня ждет в случае побега и не состоявшегося сотрудничества с Дэниелом. – Кстати, мистер Кинг оставил тебе небольшой подарок, – Лиана кивает в сторону журнального столика, на котором стоит лишь пара ароматических свечей и одинокий конверт.

Первая мысль – бежать от противной бумажки до ближайшей границы с Канадой.

Вторая мысль – в словах Лианы есть логика и мне стоит покориться и распечатать очередное письмо от дьявола, что уже начинает мне накапывать воск на мозги – своеобразная прелюдия перед жестким сексом.

Нерешительно подхожу к креслу, и опускаясь на него, снова заинтересованно обращаюсь к Лиане:

– Стой, а что же ты делаешь в его компании? – не могу не утолить свое любопытство. – Прости, но ты не выглядишь, как девочка, разбирающаяся в цифрах и прочей финансовой чепухе, – в моем воображении, женщина, торгующая акциями и скупающая их, выглядит совершенно иначе. Как мужчина и с яйцами. Я не дружу с цифрами и поэтому не могу представить себе девушку, кто рубит кучу зеленых на бирже.

– А кто сказал, что я имею дело с цифрами? – Лиана в один прыжок забирается на кухонный островок и, многозначительно улыбнувшись мне, берет из фруктовой корзинки банан, начиная медленно очищать его от кожуры. – Я... просто общаюсь с необходимыми людьми в нужное время, – с неумолимым аппетитом поглощает фрукт девушка. – Хожу на вечеринки, улыбаюсь, играю... в общем, реализую свой актерский талант доступными мне методами.

– Эскорт? – прищурив веки, уточняю я, глядя на то с какой легкостью она кидает кожуру от банана в дальнюю мусорку, и с первого раза попадает в цель.

– Типа того, – Лиана пожимает плечами, совершенно не смутившись от моего вопроса. – Мне больше нравится слово «шпионка». Чувствую себя Ларой Крофт, – она заливается игривым смехом, явно пытаюсь так сбросить внутренне напряжение. – Добываю информацию, подслушиваю разговоры пафосных кошечек, записываю то, что нужно. Дэниелу нужны глаза и уши по всему городу и нас таких ищущек, довольно много. Тебе, я думаю, достанется куда более почетная должность.

– И зачем ему это все нужно?

– Не знаю. Я в этом не разбираюсь. Одно могу сказать: кто владеет информацией, тот владеет миром. Весь финансовый мир сосредоточен на Уолл-Стрит. Чтобы заключать акции выгодные компании, Дэниелу нужно быть не только в курсе утренних новостей, но и тех, что выйдут лишь на следующей неделе.

– Так и знала, что Кинг останется верен своей дурной крови. Он разбогател на инсайдерской информации и построил свою империю во время финансового кризиса не просто так, – заключаю я, ни капли не сомневаясь в том, что не обошлось без незаконных махинаций.

– Хватит болтать, иди конверт распаковывай, – с хлопком в ладоши быстро закрывает тему Лиана. – Так и быть, приготовлю тебе тосты, пока ты знакомишься со своим первым заданием, – не дослушав ее, я беру в руку заветный конверт и вытряхиваю из него все содержимое.

Стиснув зубы и приготовившись к худшему, достаю вложенное письмо. Взгляд с бешеной скоростью скользит по строкам, но сердце заходится в еще более аритмичном галопе.

«Каково возвращение в кроличью нору, детка? Первые изменения, связанные с употреблением препарата, ты заметишь чертовски скоро. Ты будешь расцветать, как увядающий цветок, вовремя оказавшийся в руках искусного садовника. Как долго ты протянешь без любимой таблеточки? Вопрос риторический.

Тем не менее, ты сама выбрала этот путь.

А теперь к делу.

Помнишь Ребекку Стоунэм? Когда-то ты работала на ее бренд одежды...»

На мгновение отрываюсь от чтения, ярко представив перед внутренним взором образ роковой и жгучей брюнетки, и по совместительству обладательницы фигуры с аппетитными формами. Мы начали сотрудничество, как только я переехала к Робу в Нью-Йорк. Менеджер бренда Ребекки «Wild and Classy» предложил мне быть лицом весенней коллекции. В итоге наша коллаборация затянулась на несколько лет. После того, как я окончательно утратила свою былую привлекательность, Бекка быстро попрощалась со мной, заявив, что я больше не соответствую ценностям бренда.

«Они с мужем являются постоянными посетителями одного заведения. Твоя задача – любым способом подобраться к ним как можно ближе и подменить телефон Коула Стоунэма. Любым способом, Эрида. За креативность получишь дополнительные очки», – дочитав продублированное замечание в конце, я мгновенно вспыхиваю.

Подменить телефон? Он издевается? Так вот какую работу я должна выполнять в обмен на чистый унитаз, панорамные окна и надоедливую соседку?

Ощущая, как внутри все горит и бомбит от переизбытка эмоций, я вскакиваю на месте и недовольно пробиваю стопой пол, нуждаясь в их выплескивании. Я скоро взорвусь, если не придушу Кинга голыми руками. Черт.

Недолго думая, я изучаю большую карту Таро с цифрой пятнадцать, что также выпала из проклятого конверта. На плотной бумаге изображен дьявол с чудовищными драконьими крыльями, к ногам которого смиренно склоняют головы обнаженные мужчина и женщина. Привязанные к самому черту стальными цепями, они выглядят подавленными и униженными. Я ощущаю отвращение при одном лишь взгляде на эту картинку. Но отвращение – ничто, по сравнению с острым чувством стыда, что грузом оседает в душе после изучения этого предмета искусства.

Радует лишь восхищение художницей, что нарисовала изображение и смогла передать столько эмоций на столь маленькой карте.

Что означает эта карта? Ровно минута уходит у меня на то, чтобы выяснить, что это – аркан Дьявола. Какого черта? У него новое увлечение? В следующий раз я жду астрологическую карту.

Хорошо. Кинг решил добавить в свои манипуляции нотку безумия. Иного ответа я просто не нахожу.

Проводя мысленный анализ первого задания, я подхожу к зеркалу и уже начинаю видеть первые изменения в своей внешности. Хватило трех дней, два из которых я провела в забытьи, чтобы впалые круги под моими глазами уменьшились раза в три. Давно не видела себя такой привлекательной.

Это конец. Я у него на крючке. Я хочу вернуть свою жизнь.

Подменить телефон, так подменить телефон. Будет сделано, ваше дьявольское высочество.

– Ри, ты слышала? Курьер пришел, – из состояния немого монолога меня выводит проворный и вездесущий голос Лианы. Она резко кидает в меня ослепительно сверкающий кусок ткани. – Это тебе.

– Что еще за хрень...? – мгновенно вспыхиваю я, расправляя на постели серебристое платье, инкрустированное металлическими пайетками.

– Твой наряд на сегодняшний вечер, – небрежно отвечает Лиа, и подмигивая мне, жестом приглашает к готовому завтраку.

* * *

Адрес, что оставил мне Дэниел на обратной стороне конверта оказался закрытым клубом. Я не раз посещала подобные заведения со своим бывшим мужем. Не знаю почему, но богатые люди чертовски обожают всякие дорогие, роскошные клубы только «для своих». Они готовы платить за окружение, азартные игры и шлюх. Никого не заботит пластик, прибывающий к берегам Индонезии, или умирающие от браконьерства животные. Сироты, обделенные, больные, нуждающиеся в помощи. Никого не заботят дети, пострадавшие от насилия, педофилов и сексуальных домогательств. Шестьдесят процентов моделей, что окружали меня в «тусовке» так или иначе подверглась харассменту со стороны всех этих толстых кошельков, у половины из которых карман жгут грязные и украденные деньги.

Раньше, я с ужасом читала все эти статьи о Голливудских актерах и режиссёрах, являющихся извращенцами. О мировых звездах, подвергающих психологическому давлению невинные души. Ребенком была и я, когда впервые оказалась под прицелом Роберта.

Оказавшись внутри так называемой «красивой жизни», я осознала, почему среди богатых людей так много тех, кому просто необходимо ломать жизни других. Как правило, более слабых, несформированных личностей.

Придается в этой жизни абсолютно все. Кроме кайфа, к сожалению. И самый главный кайф в жизни этих миллиардеров – пресловутая абсолютная власть.

В какой-то момент очередное Maserati не приносит счастья, а пылится в дальнем углу личного подземного паркинга.

В какой-то момент даже самая лучшая шлюха или реальная любовница, способная на акробатические «па» в постели, становится банальной посредственной рутинной.

В какой-то момент уже недостаточно подмять под себя свою корпорацию, империю, или целый город.

Человек – жадная тварь, и ему всегда недостаточно. Всегда мало. И в этой системе ценностей, наивысшим кайфом является власть над другим живым существом. Не задумывались, почему они всегда заводят себе так много собак? Содержат ипподром скакунов или даже чертовы зверинцы, как некоторые арабские шейхи?

Все начинается с животных душ, а заканчивается... настоящими людьми. «Мертвыми душами», которых легче всего заманить в свои золотые клетки.

Так и с закрытыми клубами. Каждого толстого кошелька из «сливочной тусовки» до одури радует мысль, что где-то в городе есть красивое место, за стенами которого можно грешить до полной отключки: выпускать своих демонов на свободу и устраивать кровожадные ментальные жертвоприношения с помощью секса, наркотиков и алкоголя.

Все мы полны демонов и сущностей. И некоторым людям, не дано им управлять. Они сбрасывают их в подобных местах, и я очень надеюсь, что мои не подкачают сегодня и стойко выстоят под давлением Кинга.

– Пароль? – деловым и важным тоном окликает меня великан у черного входа, когда я элегантно выхожу из машины, что прислал за мной Кинг.

– Эпоха сухого закона, – уверенно чеканю я, выпуская дым от очередной сигареты прямо ему в лицо. Охранник с жадностью поглощает меня взглядом и, выставив вперед руку, приглашает внутрь, пока его помощник открывает мне дверь.

– Прошу, мэ, – следом за ним, меня встречает дворецкий. Галантно скинув пальто с плеч, освобождаюсь от верхней одежды, оставаясь в том развратном платье, что прислал Дэниел.

Его длина едва достигает середины бедра, а металлические пайетки царапают обнаженную кожу, отчего я периодически покрываюсь мурашками. К тому же, такое платье носят без лифчика и я с удивлением обнаружила, что ему еще есть на чем держаться, кроме тонких бретелек. Дэниел явно не против того, чтобы мы на меня пялились все подряд, и если честно это немного обидно. Все-таки мы один раз умопомрачительно трахнулись. Где инстинкт собственника? Ему плевать.

– Курить запрещено, мэ. Только кальян, – недовольно выдохнув, отдаю сигарету дворецкому и он немедля тушит ее о пепельницу у входа. – Ваша маска, – предлагает мне взамен моего любимого аксессуара между средним и указательным.

– Благодарю, у меня своя, – надеваю инкрустированную металлическими камнями маску на нижнюю часть лица, предварительно достав ее из маленькой сумочки. Бросаю беглый взгляд на свое отражение в зеркале, взмахнув двумя бойцовскими косами, что любезно заплела мне Лиана. Привлекая к себе внимание еще парочки мужчин из обслуживающего персонала, поправляю шнурки на грубых и тяжелых ботинках, что я предпочла идиотским каблукам из посылки Дэниела. Пусть засунет «Моноло Бланик» в задницу своему папочке, я на задании дефилировать не собираюсь.

Как только я начинаю продвигаться глубже, внимание моего взгляда приковывает роскошная люстра в виде распускающегося лотоса, ниспадающая с высокого потолка в шесть метров. Интерьер закрытого заведения напоминает обстановку холла в одном из замков Луары, где мне приходилось бывать. Еще одна особенность и фишка – большие металлические крючки со струящимися воздушными полотнами, на которых выделывают свои блестящие «па» полуобнаженные гимнастки. На многих из них, я узнаю парочку вещиц из последней коллекции «Агент провокатор». Я с любопытством рассматриваю их плавные, манящие и эротические движения на полотнах, и мысленно прикидываю, смогла ли бы выкинуть что-то подобное. Разве что в постели.

По мере продвижения внутрь, я вижу еще больше обнаженных женских тел и откровенных нарядов. Есть и публика в чудаковатых костюмах, есть и те, кто

надел все лучшее сразу. Но даже последние не мешают навесить на этот клуб однозначный вердикт и клеймо: здесь нет места стеснению, стыду и запретам.

Животные инстинкты, пребывание в настоящем моменте, поиск греховных наслаждений – добро пожаловать.

Блуд – один из семи смертных грехов. Вот что означает пятнадцатый аркан в долбанной карте Таро, что подкинул мне Дэниел.

В конце концов, миновав парад акробатов и холл в напыщенно королевском стиле, я занимаю наблюдательно-выжидательную позицию рядом с фонтаном пунша. Не проходит и пяти минут, как я нахожу взглядом свою главную цель – чету Стоунэмов. Довольно редко мелькающая в прессе парочка, но весьма популярная в интернете. Ребекка – топовый инфлюенсер в сфере фэшн блогов и признанный местным бомондом дизайнер. Коул – тот еще «темный жеребец», но гугл выдал мне про него весьма многообещающую информацию о том, что он является CEO собственной компании, специализирующейся на информационной безопасности. А вывод из этого один – у Коула в кармане припрятано много козырей из этой области, которые и хочет отнять Кинг с помощью его телефона. И я не знаю, какую защиту Дэн может гарантировать мне, если его недруг вдруг заметит мои махинации и возьмет в плен.

Я довольно долго наблюдаю за Коулом и Ребеккой. Сексуальная и чувственная девушка не пропускает и сантиметра тела своего любимого мужа, постоянно потираясь о него своим, обтянутым сетчатым и откровенным платьем. Такое чувство, что она хочет прикоснуться собой к каждой татуировке своего мужа, выбитых поверх всей его кожи. Тату у Стоунэма нет разве что на лице. Их тела периодически подсвечиваются красноватым светом, олицетворяя слияние их горячей энергии и отождествляя саму страсть и химию, что, безусловно, искрит между ними. Аж завидно. Женаты несколько лет, а до сих пор развратно танцуют вместе и пожирают друг друга глазами. Хоть и выглядят слегка отшибленными, словно под экстази.

Я наблюдаю за пылкой парочкой до тех пор, пока Ребекка не расстается со своим мужем, наградив его глубоким французским поцелуем. Облизнув губы, и отпустив мужчину, Бекс направляется в сторону туалета, и я недолго думая отправляюсь за ней.

С удара ботинком открываю дверь в уборную и замечаю прихорашивающуюся нимфетку. Встаю напротив соседнего зеркала, повторяя ее движения. Бекка не обращает на меня никакого внимания, поправляя красную помаду, выбивающуюся за контур губ. Потом очередь доходит и до волос, что Коул Стоунэм превратил в воронье гнездо, пока жадно всасывал ее пухлые губы в свой рот.

– Одолжить? – наконец, я достаю из сумочки расческу и протягиваю Бекке. Девушка бросает на меня настороженный взгляд, слегка поджимая губы. Вдруг, ее лицо озаряется знакомой стервозной улыбкой и, судя по слегка приподнятой брови, она узнает меня.

– Эра, какие люди. Не могу поверить, что это ты.

– Как видишь, – небрежно веду плечом.

– Я думала, ты вернулась в Европу. Совсем о тебе ничего не слышно последние годы было.

– Да, так и было. Решила вернуться ненадолго, по Нью-Йорку соскучилась, – откровенно лгу я.

– И не написала мне? Не захотелось вновь вернуться на большой подиум? – немного с издевкой расспрашивает Ребекка. – Я о тебе в модельной сфере тоже давно не слышала. Неужели в Европе на тебя не было спроса? – звучит, конечно, так, словно я вещь, а не человек. Ну да ладно, Ребекка со всеми так общается, и я за словом в карман не полезу.

– Ты же видишь, что я сейчас далека от прежних параметров.

– Все не так плохо. Когда-то «героиновый шик» был в моде, ты Кейт Мосс вспомни, – усмехается Бекс, дружественно касаясь моего плеча. – Красоту ничем не испортишь, Ри, тебе бы только поправиться чуть. Хотя пожалуй, – Бекс вдруг ласково обводит мою точеную фигуру взглядом своих темных и порочных глаз. – И так сойдет. Будь я парнем, я бы все равно тебя трахнула.

– Оу, сочту за комплимент. Кстати, что вы с мужем здесь забыли.

– А ты?

– А я на работу хочу устроиться. Воздушной гимнастикой у входа, – без запинки придумываю я.

– Ого, да что ты? – удивленно вскидывает брови девушка. – Что до нас с мужем: мы обожаем такие вылазки и игры. Ролевые у нас постоянно, но сценарии босса и секретарши, как и уборщицы и хозяйина дома – нам уже надоели. Как и все позы в камасутре, – откровенничает она. – К тому же, он любит... ну, ты знаешь, – Бекс достает из бюстгальтера крошечную таблетку. – Раз в месяц мы добавляем немножко этого и идем на безбашенные эксперименты. Хочешь?

Всем моим вниманием в одночасье овладевает крошечная пилюля. И это несмотря на то, что я прекрасно знаю, что эта убогая таблеточка никогда не сравнится с «sins».

– Не откажусь, – томным голосом выдаю я и приоткрываю рот. Ребекка тут же кладет мне ее между зубов, и кивает в сторону крана, предлагая запить угощение большим количеством воды. Я, итак, знаю, что сухость во рту не заставит себя долго ждать и следую ее немому совету.

Боже, что я делаю. Я даже точно не знаю, что это за хрень. Лишь предполагаю, что экстази, отчаянно пытаюсь вспомнить, какие последствия станут расплатой за смесь двух наркотиков в организме.

Что ж, время в очередной раз пробить дно своими тяжелыми ботинками.

– Ты всегда мне нравилась, – мягко шепчет Бекс, как только я вытираю губы салфеткой и поворачиваюсь к ней. И только сейчас, когда девушка находится так близко, я вдруг понимаю, что все это время ее зрачки были слегка расширены. Достаточно, чтобы убедиться в том, что их развратные танцы с Коулом проспонсированы таблеткой любви.

Последующий план действий озаряет сознание, выстраивается внутри. Не разрывая зрительного контакта, я приближаюсь к Бекке, прикрыв глаза. Слегка касаюсь ее губ своими, проводя по их влажной мягкости языком. Никогда не чувствовала в себе нетрадиционных наклонностей, но кровь кипит от одной лишь мысли, что очень скоро я доберусь до телефона Коула. И если у меня все

получится, я докажу Дэниелу, что все его пляски с заданиями и квестами, угрозами и шантажом меня не напрягают.

Хочет, чтобы я побыла его ищейкой и личной шпионкой? Пожалуйста. Легко и просто. Без напряжения и ненависти. Я просто в игре, где являюсь выдуманным персонажем, и выполняю дебильный квест от игрока «сверху». Но только персонаж знает, что именно он обладает властью над зависимым геймером, возомнившим себя Богом.

– Как думаешь, я понравлюсь Коулу? – шепчу около женских губ, ощущая острые коготки Ребекки на своей талии. Она нежно ведет их ниже, расплываясь в порочной и многообещающей улыбке.

– Пойдем, спросим у него, – заливаясь истеричным смехом, Бекс откидывает голову с густой шевелюрой черных волос назад. Еще пара секунд, и мы надеваем наши маски обратно, стремясь к танцполу. Ловлю на нас хмурый и сосредоточенный взгляд Коула, что сопровождает каждый наш шаг по направлению к нему.

При приглушенном и неоновом освещении мне не так хорошо видны его черты лица. Но они определено притягательные и слегка пугающие. Что-то в его взгляде, одежде и нестандартных татуировках делает из него безбашенную рок-звезду. Однако, язык его тела кричит о том, что он относительно остепенившийся и серьезный мужчина, управляющий крупной компанией. Не сомневаюсь, что он живет и балансирует на грани между своими субличностью, но наверняка знает их по именам.

Я сразу узнаю таких же, как и я: безумных, в прошлом надломленных и потерянных. Людей с надрывом внутри. И Коул с Ребеккой, как и мы с Дэном являются таковыми.

Наконец, Бекс поднимается на цыпочки, прижимаясь грудью к широкой мужской груди. Ее полные губы медленно движутся около его уха, до тех пор, пока не захватывают в чувственный плен мочку мужчины. Все это время, я слегка возбуждаюсь, глядя на их игривую прелюдию и покачиваю бедрами в такт битовой музыке. Они похожи на животных, любовно вылизывающих друг друга.

Как только я начинаю поглаживать свою талию и бедра ладонями, Коул Стоунэм резко переключает свое внимание со своей жены на меня, но я не сомневаюсь в том, что именно она стала зачинщицей его интереса.

Черт, ребят. Давайте уже ближе к делу. Уже всем присутствующим ясно, что у нас намечается путешествие втроем. И взлет в страну удовольствия мы будем осуществлять в горизонтальном положении.

Мужчина обводит меня оценивающим, подозрительным взглядом, сменяющимся жадным и голодным. Коротко кивает Ребекке, явно одобряя ее безумное предложение. Кстати, не уверена, что он что-либо принял, в отличии от своей спутницы. И это мне мне на руку... буду выкручиваться, как смогу. И сделаю ставку на то, что для Коула наивысший наркотик – это его обворожительная жена. Вернув Ребекке еще более порочную улыбку, чем у нее самой, он взором приглашает меня в один из затемненных холлов закрытого клуба.

Эти ребята самая сумасшедшая замужняя парочка, которую я когда-либо видела.

Затерявшись не только в наркотическом дурмане, но и в темном коридоре этого злачного заведения, мы вваливаемся в приватную комнату, обставленную в лучших традициях «50 оттенков». Хотя, пожалуй, здесь нет никаких плеток и игрушек, а вот красный цвет превалирует над остальными, возбуждая и без того больную психику.

Все чувства становятся в тысячи раз острее. Хотя, дело тут даже не в цвете кровати и стен, а в крошечной пилюле, что я приняла в туалете из рук Ребекки.

Хотя, действует она весьма странно. Я полностью сохраняю здравый рассудок, и лишь слегка борюсь с желанием затрахать всех до смерти. Я имею в виду, что раньше подобное не поддавалось контролю с моей стороны. Возможно, после «sins» на меня уже ничего не действует в полной мере.

– Давай, детка, – пространство разрезает глухой голос Стоунэма и по его взгляду я понимаю, что он обращается ко мне. – Раздень для меня мою девочку, – Коул вальяжно опускается в кресло, опуская широкие ладони на подлокотники кресла.

Я смотрю в потемневшие глаза Бекс. Притягательные, манящие, карие – в этом темном омуте явно затонуло не мало мужских сердец. Девушка чувственно облизывает губы, и жар внизу моего живота разгорается с удвоенной силой. Стандартное действие экстази – хочется обнять весь мир, прижаться к горячему телу. Безудержная жажда ласки, секса. Невыносимая нужда в любви, тактильном контакте. И все это ощущается, как неудовлетворенная базовая потребность. Как сильный голод.

Но искусственный голод, который я не в силах анализировать прямо сейчас.

Я просто знаю, что Бекка ощущает тоже самое. Коул скорее всего находится в здравом уме и трезвой памяти. Единственный наркотик этого мужчины – его жена.

Подхожу вплотную к дьявольски-сексуальной Бекс, медленно провожу пальцами по ее ключицам. Секунда – и бретельки ее красного платья в сеточку спущены мною с плеч. Оно уже не способно нормально держаться на ее полной груди, которую девушка не удосужилась прикрыть лифчиком. Не сомневаюсь, что взгляд Коула прикован к ее острым соскам, и я начинаю ласку именно с них, параллельно еще ниже опуская черное платье.

– Ты плохая девочка, правда? – манящим голосом шепчу я, снизу собирая ее платье на талии. Теперь оно превратилось в пояс, скрывающий ее плоский живот, но открывающий взору Коула округлые бедра, тяжелую грудь, всю привлекательность изгибов и гладковыбритый лобок.

– Это он любит в тебе? Тьму? – дразнящим тоном интересуюсь я, слегка поворачиваясь лицом к Коулу.

– Без сомнений, – хрипло выдыхает Стоунэм, опуская свою мощную ладонь со вздыбленными венами на джинсы и внушительный член. Сжимает его, через толстую ткань. Мышцы мужского лица инстинктивно скрываются за маской болезненного ожидания и желания. Мимолетом, я быстро отмечаю, что на столе рядом с тумбочкой он выложил часы, телефон и две печатки. Многие мужчины имеют эту привычку: предвкушая секс, они всегда избавляются от всех лишних аксессуаров, потому что они чертовски мешают им наслаждаться моментом. Не могу с ними не согласиться. Будет не очень классно, если волосы девушки запутаются в твоих часах, во время умопомрачительного минета.

– Ты такая же, Эрида. Я тебя хорошо знаю. Поэтому я тебя выбрала, когда ты была не так известна. И я могу вернуть тебе твою славу, – вдруг произносит Ребекка, нежно касаясь участка моей оголенной спины. Платье не закрывает ее полностью, и мне становится немного щекотно, до мурашек по всему телу. Ощувив резкий прилив первородного сексуального желания, я прижимаюсь к Ребекке всем телом, плавно покачивая бедрами. Положив подбородок ей на плечо, ощущаю, насколько сильно болит и пульсирует низ живота.

Я покажу тебе, глубока ли кроличья нора.

Химические препараты имеют над нами абсолютную власть. И я знаю, что моя кратковременная «любовь» к Ребекке в данный момент обусловлена очередной таблеткой, при этом я чудом сохраняю трезвость разума. Этого не случалось прежде. Что, если я не буду идти на поводу у желаний своего тела, а сконцентрируюсь на задании Дэниела? В конце концов, я просто обязана швырнуть телефон Стоунэма в высокомерную морду Кинга.

– Не прикасайся ко мне, – вдруг чеканю я, игнорируя предложение Бекс. Подражая вызубренному тону Дэниела, отдаю следующий приказ: – Лучше прикоснись к нему, – отстраняясь от Ребекки, открываю ей путь к мужу.

Морщинка между бровями Коула становится гораздо глубже, а выражение лица четко транслирует фразу: «Какого черта ты здесь раскомандовалась?»

Обхожу Ребекку и встаю у нее за спиной, обнимая. Оглаживая ее великолепное и пышущее здоровьем и сексуальностью тело, поддерживаю зрительный контакт с Коулом:

– Само совершенство, – на выдохе признает свой выбор мужчина, глядя на Бекс убийственно влюбленным взглядом.

Я мечтаю, чтобы мой мужчина так смотрел на меня.

Мой настоящий мужчина. Не муж-манипулятор, не его сын-кукловод. Не ублюдок, что одержим моим телом. А мой мужчина.

Существует ли он? И сможет ли он когда-либо принять меня со всей той грязью, что присутствовала в моей жизни?

И я безумно завидую Бекс, потому что она нашла своего сумасшедшего. Такого же двинутого на всю голову, как она, кто принимает ее со всеми ее достоинствами и недостатками.

Что до меня... я думаю, меня принять невозможно. Единственный мужчина, от которого я жду этого принятия, патологически не переносит грязь. Понимаете о чем я?

- Ты хочешь ее? - подразниваю Коула я. - Она такая красивая. И только моя на сегодня, - Бекс откидывает в сторону голову, а я после каждого слова касаюсь губами ее шеи, оставляя влажные следы от горячих поцелуев.

- Моя, - хлестким тоном отзывается Коул. - Я не разрешал тебе целовать мою крошку.

- Я ведь под кайфом. Не могу противостоять своим желаниям, - облизываю пересохшие губы, ощущая нарастающую потребность в том, чтобы меня хорошенько отжарили прямо сейчас.

- И я... - томно тянет Ребекка, выгибаясь в моих руках, словно кошка в период течки.

- Чего ты хочешь больше всего на свете сейчас? - согреваю дыханием мочку ее уха.

- Член Коула, - задыхаясь, глухо признается Бекс.

- Моя девочка, - рычит Стоунэм и подманивает ее к себе взмахом ладони. - Подойди ко мне. Обе подойдите. Моего члена хватит на всех, - кинув дразнящий и яростный взор на свою жену, мягко замечает он. Стоунэм играет со своей женой. Выводит на ревность словами, глазами обещая совершенно иное - он только для нее.

Два извращенца. Их же заводит это. На голову больные. Как мне это знакомо.

Вместо того, чтобы напасть на Ребекку, Коул берет меня за подол платья и тянет к себе. Заставляет наклониться к нему ближе.

– Ты одна из нас, – коротко выдыхает в мои губы и в следующую секунду его язык скользит по ним. Мягко, потом настойчивее. С влажным звуком он проникает вглубь моего рта, мастерски заворачивая своими действиями спираль внизу моего живота в пламенеющий кол.

Мне так приятно давно не было, и мне снова хочется раствориться в ощущениях, преумноженных препаратом.

– Бекс, на колени, – приказывает жене, на мгновение оторвавшись от меня.

– Какого черта?

– Не спорь. Займи его своим ртом, пока это не сделала другая, – с провокационной улыбкой заявляет он, намекая жене, на то, что у него в качестве альтернативы сегодня есть я. – Будь хорошей девочкой.

– Размечтался, – злобно фыркает девушка, а я лишь могу издать слабое «ах», когда чувствую, как ладонь Коула скользит по внутренней стороне моего бедра. Его умелые пальцы находят пульсирующий бугорок между сжатых ног.

– Ты очень чувственная. Не прячь это, – с этими словами, он вставляет сразу два пальца внутрь моего тела и сгибает их внутри. Надавливает манящим движением на набухшую точку, в которой концентрируется весь жар и голод. Каскадом разливается по телу, постоянно балансируя на волнах электричества, исходящих из сладкого эпицентра. Эмоции переполняют меня настолько, что я едва ли не падаю с сокрушительным стоном. Хватаюсь за его голову и цепляюсь пальцами в волосы Стоунэма, чтобы не упасть. Наклоняюсь к его лицу, чтобы вернуть горячий поцелуй и схожу с ума, ощущая, как его язык трахает мой рот, пока пальцы творят тоже самое с требовательным и жаждущим большего проникновения лоном.

Ребекке явно не по душе тот факт, что Стоунэм пробудет другую женщину. Наш жаркий поцелуй с Коулом мгновенно прерывается. Не успеваю и слова сказать, как она забирается на него сверху, отключив задницу на его бедрах. Начинает плавно двигаться, имитируя секс. Ее красивая грудь колыхается

напротив его приоткрытого рта. Это выглядит чертовски горячо.

– Я никому тебя не отдам. Ни одной женщине. Даже под кайфом, Коул, – пламенно заверяет она его, обхватив его лицо ладонями. В следующую секунду, она высвобождает его член из джинс и быстро направляет в себя.

От ритмичных и точечных движений пальцев Коула внутри я давно на грани. Прикрыв веки, я прислушиваюсь к их стонам и звукам жаркого секса. Шлепки плоти о плоть сводят с ума и доводят меня до грани чертовки быстро, позволяя ощутить приятную и мощную разрядку, присоединиться к их крикам.

Я уже не понимаю, что происходит. Приятная усталость овладевает телом, и я не уверена, что после столь быстрой кульминации мне хочется продолжения. Все-таки я здесь ради цели, и кажется, сейчас – наилучший момент для того, чтобы сделать все, что мне нужно.

Этим двоим не нужен третий.

Они без ума друг от друга.

Им необходим лишь элемент игры. Создание условий, где нужно вновь противостоять друг другу. Это их отношения, и их все устраивает.

– Никому не отдам, слышишь?

– А я тебя, детка, – слышу приглушенный ответ Коула я. Его пальцы давно не внутри меня, а на теле Ребекки.

– Кажется, я вам больше не нужна, – мой тихий голос теряется в их плавных и быстрых, нежных и страстных движениях. В их голосах, столах, хрипах, в их одержимости. Вибрации их безумной любви затмевают все остальные звуки вокруг. И это играет мне на руку, несмотря на то что внутри меня гложет зависть.

Я мечтаю о таких отношениях, где не нужно притворяться. Где не нужно пытаться понравиться. Где не нужно заслуживать любовь.

На то, чтобы подменить телефон Коула у меня уходит секунда. Они оба не слышат и не видят никого вокруг. Трахаются, как одержимые, совершенно забыв о своем намерении замутить randevу на троих.

Меня не смущает, что они занимаются сексом при мне. Секс по любви – это всегда так красиво, завораживающе, каким бы животным и полным греха он ни был.

У меня такое было лишь один раз в жизни. Но сейчас я ненавижу этого человека.

Сделав свое грязное дело, под аккомпанемент стонов перевозбужденной и доведенной до края Ребекки Стоунэм, я украдкой покидаю красную комнату. С облегчением выдыхаю, хлопнув за собой дверь. Прислушиваясь к ощущениям внутри тела, осознаю – я больше не чувствую легкой эйфории. Ничего, кроме пустоты и слегка ускоренного биения сердца в груди.

Надеюсь, от принятия сразу двух разных препаратов, у меня не будет серьезных последствий. Что-то мне подсказывает, что экстази не подействовало на меня должным образом, поскольку в организме еще осталась любимая греховная сладость.

Я это сделала – темно-синий смартфон Коула Стоунэма у меня в руках, а вопрос о его взломе уже не мне решать. Что ж, самое жуткое позади.

Стоит лишь подумать об этом, как Вселенная тут же хватает меня за горло и стремительно опускает в миску с собачей едой. Образно, конечно. Я имею в виду... что в эту самую секунду на меня нападают, до боли в костях сжимая локоть. В мышцах стреляет, в ушах звенит, удушье сковывает шею тугим чоккером. Такое чувство, что незнакомец хочет сломать мне руку или вывернуть ее из сустава. Они, итак, у меня сейчас хрупкие, хочу заметить.

Находясь в полумраке, я не в силах разглядеть своего обидчика сразу. Еще раз вскрикнув от боли, я наконец нахожу его взглядом. Нападающим оказывается взрослый мужчина с глубокими морщинами, поросычьими ноздрями и двойным подбородком. При этом – он, как и все местные богачи, одет с иголочки. Он из тех, кто оставляет состояние на пятой авеню, а вот на спортивный зал свои кровные явно жалеет.

– Какие люди. Горячая соска Кинга собственной персоной, – меня едва ли не рвет от мерзкого голоса, в котором я узнаю одного из друзей Роберта.

Майкл Доминго – один из магнатов его ближнего круга.

– Что ты тут ищешь, девочка? – похотливым тоном выдыхает он, дергая меня на себя.

– Отпусти меня! – истошно требую я, отчаянно осматриваясь в поисках камер и охраны. Но их будто след простыл. Хотя, готова поспорить, что видела их в холле еще пару минут назад и чувствовала себя в безопасности.

– Нет, милая. Ты слишком много хочешь, рыбка. Раз заплыла в сеть – будь готова стать ужином рыбака, – хрюкнув, шутит Доминго, обнажая свои белоснежные и карикатурные виниры. – Ты думаешь я упущу возможность поразвлечься с маленькой соской Роберта за закрытой дверью? – наконец, в конце холла я замечаю мужчину, напоминающего мне секьюрити. Набирая воздух в уставшие легкие, собираюсь закричать, но Майкл успевает заткнуть мне рот свое потной ладонью, от которой несет туалетным дерьмом.

Боже. Меня сейчас вывернет прямо в нее, если он не уберет свою мерзкую клешню подальше от меня.

Но убирает он ее, только лишь тогда, когда толкает меня в ближайшую VIP комнату.

Мой личный кошмар возвращается. Стоит лишь высунуть голову из песка – и я магнитом притягиваю к себе манипуляторов, психов и насильников.

Я и пикнуть не успеваю до того, как мужчина грубо хватает меня за волосы и нагибает вниз. Бросает на колени и ладони, заставляя приземлиться в позе на четвереньках. Внутренности обжигает адским пламенем, наполненным агонией и обидой. Как бы я хотела стать огнем и сжечь его член, если он посмеет им ко мне прикоснуться. Слезы предательски увлажняют глаза, когда его потная ладонь касается мое задницы, отвешивая самый унижительный шлепок в моей жизни.

– Всегда хотел тебя оттрахать, – я пытаюсь встать с пола, вырваться и убежать, но это приводит лишь к тому, что Майкл толкает меня на кровать. Теперь я уже могу разглядеть мерзкое выражение его лица, охваченное похотью и больным вожделением. В блеске его глаз я вижу то, что каждый раз отражалось во взоре Роберта – одержимость.

– Ты была такая уникальная. Он Боготворил тебя, ты знаешь? Он очень обрадуется, когда узнает, что ты вернулась, – под музыкальное сопровождение позвякивающей пряжки ремня, пыхтит Доминго.

Боже, еще чуть-чуть и меня стошнит. Слезы уже не слегка увлажняют веки, а текут по щекам непрерывными реками. Любое мое сопротивление встречается со силой жирного Доминго. Я со своим весом в сорок пять килограмм просто не в силах оказать ему должный отпор.

– Заткнись! Отпусти меня. Он отрежет тебе член, если узнает, что ты меня трахнул, – пытаюсь вразумить Майкла я и любым способом остановить действия, которые он явно намерен со мной совершить.

– Я под кайфом, детка. Мне плевать. Пусть отрезает. Хочу посмотреть на его лицо, когда он узнает, что мой член был в тебе, – расплываясь в удовлетворенной улыбке, он широко разводит мои ноги. Толкается тазом, вжимаясь в развилку между ними. Я беспощадно царапаю его лицо, но все тщетно: Майклу не составляет труда заломить мои запястья над головой и пригвоздить меня к матрасу.

Это все происходит со мной. Снова. Из-за Дэниела. Нет в мире слов, которые бы описали мою к нему ненависть.

Мысленно я уже попрощалась со своей честью и достоинством (ах, а они у меня остались?), когда почувствовала, что от момента проникновения и насилия меня отделяют считанные секунды.

Губы Доминго настойчиво тянутся к моим и я намерена их искусать до крови. Да только его кровь фонтаном сама изливается на меня, сразу после характерного звука, напоминающего разрезание ножом живой плоти. Истошный крик вырывается из его рта вместе с алой рекой, водопадом стекающей на мою грудь.

От зловонного запаха багряной жидкости, созерцания мерзкой гримасы на лице Доминго и осознания всего треша, что происходит со мной прямо сейчас, я мгновенно вырубаясь от ужаса.

– Он должен остаться в живых, – находясь в закрытом вакууме, слышу властный и ледяной голос Дэниела. – Доминго в больницу, а Эридой я займусь сам, – по коже бежит ток, от одного лишь представления о том, что мне снова придется остаться с ним наедине.

Больше всего на свете я хочу поставить его на место.

У каждого из нас своя одержимость, не так ли?

И больше чем в «sins», я нуждаюсь в мести. Но настолько тонкой и изощрённой. Напоминающей маленький осколок стекла, который никогда не будет замечен в моем ледяном блюде, что я подам семье Кинг на ужин. Однажды.

Глава 4

Дэниел

Прикладывая ключ-карту к датчику открытия своих апартаментов, плечом выталкиваю дверь вперед. Мои руки заняты Эридой, хотя я совершенно не ощущаю тяжести легкого тела на своих предплечьях, когда заносу ее в свое жилище. Старший секьюрити косится на меня с подозрением, но мне плевать. Один взгляд в его сторону – и он закрывает за собой дверь с другой стороны.

Я не только манипулятор, но еще и эмпат.

И в особо стрессовых для жертвы ситуациях, даже моей патологической тяге к чистоте свойственно вырубаться. Не спорю, желудок слегка скручивает от отвращения, когда я замечаю подсыхающие ручьи чужой крови на обнаженной

коже Ри.

Меня защищает рубашка и перчатки. Прямого контакта с грязью нет.

А вот сознание то и дело озаряют флэш-беки. Картины из прошлого, так похожие на ту, что я вижу сейчас.

Это все уже было. В день, когда я направил одну из своих ползучих красавиц на отца, чтобы остановить экзекуцию Эриды.

Она уже истекала алыми каплями на моих ладонях.

Это было красиво. И отвратительно. Между совершенством и уродством любой ситуации лежит тонкая грань, на которой нам всем хочется балансировать. Иногда, это единственный способ ощутить себя живым. Для любого человека.

Эра никогда не поймет, зачем я все это делаю с ней. И прямых ответов она не получит.

Тем интереснее игра – смотреть, как жертва отчаянно пытается понять ее смысл. Выбраться из лабиринта. Над которым стоит просто взлететь.

С этой расчетливой и хищной мыслью, я опускаю спящую красавицу на свой белоснежный диван. Он проходит тщательную дезинфекцию утром и вечером. И после Ри, мне придется заменить несколько кожаных подушек.

Тщательно прохожусь прицельным взором по ее хрупкому, но не лишенному чувственных изгибов телу. Достая из сумочки «артефакт» от Стоунэма, что с трудом раздобыла эта малышка, проявив изобретательность и смекалку. Заглянув в лицо одному из своих грехов. Желание поддаться похоти не так опасно, когда ты держишь его под контролем.

Когда ты можешь сказать «нет». Не позволить мужчине на тридцать лет старше тебя – трахать и причинять боль.

Сам не замечаю, как моя ладонь вдруг теряется в длинных и вьющихся волосах Эриды. Одергиваю руку, замечая, как трепещут ее длинные черные ресницы.

Она причмокивает пухлыми губками, словно маленькая девочка. Внутренняя дрожь оставляет карту из мурашек на ее коже. Тяжело выдохнув, сбрасываю напряжение в груди и накрываю Ри пледом, стараясь заблокировать чувства неприязни, что овладевают мной, когда я прикасаюсь к девушке.

Попутно достаю телефон из кармана брюк и быстро набираю Коула Стоунэма.

- Привет, брат, - бросаю я, прислушиваясь к характерным для этих двоих звуком на заднем фоне. Не сомневаюсь, они только что с Бекс классно потрахались и теперь валяются в грязной клубной постели.

- Ну как, операция завершилась удачно? - полностью расслабленным и удовлетворенным тоном отзывается Стоунэм.

- Да. Весьма неплохо прошла. Но в холле ее поймал Майкл Доминго. Хотел изнасиловать, старый ублюдок. Живым или мертвым - он доставит проблемы. Но мертвым, доставил бы больше, чем живым, - с неохотой признаю я, все еще не в силах поверить в то, что позволил одному из самых «ближних» к отцу лицемеров приблизиться к Эриде.

Не сомневаюсь, что отцу уже все известно о местонахождении Ри. Он наверняка выстраивает свой план по ее захвату. И до осуществления его планов, осталась всего неделя.

- Ах, этот импотент. У него все еще стоит? - глухо усмехается Стоунэм.

- Ему шестьдесят. Как думаешь? - непроизвольно морщусь, представив определенную картину. - Как вы там поиграли?

- Бекс была великолепна. Моя девочка - актриса, достойная Оскара, - без лишней скромности хвалит свою жену Стоунэм. - Да и с Эридой мы неплохо провели время. Я имею в виду... она классная. Ее так легко погрузить в опыт. Я даже всерьез задумался о том, что хочу трахнуть и ее тоже, - кажется, в этот момент Бекс отвесила внушительную оплеуху своему мужу.

- Вы сумасшедшие, - ставлю диагноз я.

- А ты, нет? Зачем тогда издеваешься и дергаешь свою куклу за нити?

- А зачем ты годами издевался над своей женой в свое время?

Немного помолчав, Коул отзывается твердым тоном:

- Чтобы исцелить ее, - я не ожидал другого ответа. - Она нуждалась во мне. А я в ней.

Несомненно. Случайных встреч не бывает, вы же знаете?

- Я преследую другие цели. Ну, ты знаешь. Она - его слабое место. Он теряет контроль, хватку, себя, стоит лишь ей замаячить на горизонте. Время пришло.

- Где же твое аристократическое благородство, Кинг? Тебе совсем не жаль девочку? Ей очень досталось от вас обоих.

- Жалость... я постараюсь изобразить ее, - возвожу взгляд к потолку.

- Так значит ты просто используешь ее. Ничего больше? - резюмирует друг, пытаясь вскрыть мои вены. Я знаю, куда он клонит. Он судит по себе, и считает, что только любимая женщина достойна столь масштабного внимания в ее сторону.

Тот еще инопланетянин, наделенный рентгеновским зрением, подсвечивающим внутренности и души людей. Других в ближнем окружении я не держу.

- Абсолютно. Использую. Моя личная разрывная граната. Которую можно поместить прямо в сердце своего старика.

- Окей, я не настаиваю, - с недоверием отзывается Коул. - Только смотри, не заиграйся в свои психологические квесты. Как бы тебя вокруг пальца не обвели в итоге. Такие женщины, как Эра и Бекс - коварные создания. Прекрасные. Порочные... но коварные.

«Точно подмечено, любимый!», - доносится до меня приглушенный голос Ребекки. Губы раздвигаются в произвольной усмешке.

– Этого никогда не будет. Мне чужды все эти нежные чувства. Я никогда не позволю женщине влиять на меня. Больше никогда не позволю, – сдвигаю несколько пешек на декоративных нардах, расположенных на журнальном столике. – Это игра с нулевой суммой.

– Я не буду настаивать на своем мнении. И кстати... что насчет ее зависимости?

– Если она не пройдет через все стадии ломки и осознанно не откажется от препарата, она просто умрет. Через год или два. Последствия «sins» сравнимым с раковой опухолью, которая не так быстро, но постепенно разрушает организм, – невольно вспоминаю ночи, проведенные в лаборатории.

– Ну и кусок дерьма ты создал, Кинг.

Именно я создал наркотик, который впоследствии прибрал к рукам мой отец. «Sins» содержит в своем составе секрецию одной из моих любимых змей. Я был подростком, когда понял, что в живой природе вокруг нас сокрыто много тайн. Полезных и не очень полезных веществ, которые наделены разными свойствами. Тогда это было моим хобби. Способом сбежать от жуткой реальности, где мой отец был безбожным тираном, а мать – поехавшей сектанткой, которую я очень любил. Любил ее прежнюю, а не ту женщину, которая запугивала меня кошмарным и грязным миром, от которого нужно спрятаться в вакуумной коробке.

– Я создавал «sins» не для того, чтобы кого-либо убить.

– Мне лучше всех известно о твоих благородных целях. Но это не отменяет...

– Создавая столь мощный инструмент, нужно уметь сдерживать его последствия. Это я и делаю.

На заднем фоне я слышу мурлыканье Ребекки и осознаю, что затяжной разговор пора заканчивать.

Здание Эриды – спектакль. Телефон Коула, который она достала никакой ценности в себе не несет. Иногда секрет состоит в том, что его... нет.

Нажав на красную кнопку и оставив телефон на журнальном столике перед диваном, вновь возвращаю свое внимание к Эриде. Беру ее на руки, инстинктивно поморщившись от металлического запаха крови. В квартире стоит такая вонь, что я больше не собираюсь это терпеть и несу ее в ванную. Шаги медленнее, бесшумные – чтобы не разбудить. Я не готов сейчас к женским истерикам. Спящая женщина не доставляет больших проблем, а вот бодрствующая...

– Что ты делаешь? – сонным голосом лепечет Ри, встрепенувшись в моей хватке. – Господи, ты опять...

– Не опять, а снова, – к этому моменту, мы уже в ванной комнате. Пять секунд уходит на то, чтобы опустить ее в просторное джакузи и включить теплую воду.

Наши взгляды встречаются в неистовом поединке, держат друг друга на прицеле, пока я сжимаю лейку душа и настраиваю достаточный напор воды.

– Ты этого и хотел? Этого добивался? – придя в себя, девушка цепляется за бортики ванной, нервно оглядываясь по сторонам. Это происходит инстинктивно, ее подсознание насквозь пропитано командой «срочно вставай и беги». – Не обязательно было отправлять меня на тупое задание, чтобы в итоге просто помыть от чужой крови. Это твое хобби? Судя по тому постоянству, с каким ты это делаешь, – Ри возмущается и шипит. Она никогда не умела держать своих эмоций в себе. Будь то злость, радость, восхищение или возбуждение. Я хладнокровно беру ее за руку, направляя струи воды на ее тело таким образом, чтобы они напрочь выбивали зловонную кровь из ее пор. А не просто смывали с кожи.

Эри начинает бить мелкая дрожь, но она естественно позволяет мне проделывать с ней все очищающие манипуляции. Куда больше, чем сбежать от меня, она хочет избавиться от внутренностей Доминго на своем теле.

– Я не думал, что этот вечер закончится так, – без капли сожаления выкладываю правду я. – Майкла в моем уравнении не было.

– Для тебя то, что меня чуть не изнасиловали – всего лишь уравнение? Игровая партия пошла не по плану? Стратегия померялась, да? Как же так... Дэниел, скажи мне, ты совсем больной? Тебе заняться нечем? Ты же чертов миллиардер.

У тебя столько дел, планов, сотрудников в конце концов. Откуда у тебя на меня время? – она пытается встать, но я останавливаю ее спокойным жестом: надавливаю грудную клетку в районе ключиц.

Доля правды в ее словах есть. Не переживай, детка, у меня выходной.

Скользящим движением вверх добираюсь до ее горла и слегка сжимаю тонкую шею в кулак. Перчатки по-прежнему на мне. Жаль. Хотел бы чувствовать, как пульсирует ее вена. Я часто проделываю это движение со своими невинными любовницами. Ничто не возбуждает так, как чувственность, трепет и ощущение от того, что ты достал из «хорошей девочки» ее «непослушную сучку».

– Я абсолютно здоров. Ты поняла меня? – четко проговариваю я, парализуя ее внимательным взглядом. Глаза в глаза. Пламя ярости пляшет на ее голубой радужке, но я полностью контролирую его.

– Поэтому прикасаешься ко мне в перчатках? Это невроз. Ты в курсе? – она пытается унижить, обесценить меня, чтобы почувствовать себя лучше. Превознести над своим обидчиком. Почувствовать себя сильнее в ситуации, в заранее проигранной для нее. Не утруждай себя, Эра. Не трать свою энергию напрасно.

Ничто в этом мире не способно всколыхнуть меня, даже ты.

Ничто в этом мире не наделено для меня важностью.

Кроме возмездия.

– Я не прикасаюсь к тебе голыми руками, потому что ты не достойна большего. Ты – шлюха моего отца, – четко проговариваю я, наблюдая за реакцией Эриды.

Ее внутренний ребенок в истерике: полные губы дрожат, поджимаются в ниточку. Затем распускаются влажным бантиком. Как у маленькой девочки, у которой отобрали конфеты и игрушки. В глазах зацветает боль. Красивая боль. Боль – совершенна, потому что, когда она выходит из тела, с человеком происходит магия. Трансформация, после которой он уже никогда не будет прежним.

– Тогда утопи меня прямо сейчас или немедленно оставь в покое, – она стучит по воде ладонью, что уже набежала в джакузи до уровня ее талии. – Объясни мне хоть что-нибудь, Дэниел. Потому что еще одно такое «задание» с подобным исходом и я не выдержу! – а она быстро сдается. – Ты обещал, что я буду в безопасности. Еще одна ложь. До снятия запрета осталась всего неделя...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лидокаи?н – лекарственное средство, местный анестетик и сердечный депрессант, используемый в качестве антиаритмического средства.

Купить: https://tellnovel.com/ru/meyer_lana/za-gran-yu-grehov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)